

**Стенограмма парламентских слушаний на тему «Уголовно-процессуальное
законодательство Российской Федерации: состояние и перспективы»**

22 апреля 2016 года

Е.Б. МИЗУЛИНА

Уважаемые участники! Мы открываем наши парламентские слушания на тему "Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации: состояние и перспективы". Эти парламентские слушания проводит Комитет по конституционному законодательству и государственному строительству.

Регламент парламентских слушаний – до 13 часов. Не позднее 13 часов 15 минут мы должны будем освободить этот зал.

Вам раздали материалы, в том числе проект рекомендаций. И применительно к проекту рекомендаций я хотела бы сразу обратить ваше внимание на то, что до конца следующей недели вы можете направлять в комитет письменные замечания к этому проекту рекомендаций, предложения, которые вы считаете необходимыми. Соответственно, в комитете мы отработаем их в мае с учетом того, что здесь сегодня прозвучит, с учетом ваших письменных предложений. Затем окончательный текст рекомендаций мы опубликуем на сайте нашего комитета и будем работать с теми рекомендациями, которые здесь будут предложены.

Я просила бы обратить ваше внимание на то, что у нас на выступления записались уже 20 человек. Конечно, могут быть еще желающие. Пожалуйста, в письменном виде вы можете подавать такие предложения, но прошу учесть, что регламент ограничен, потому что зал будет занят после 13 часов, поэтому придется сокращать регламент выступлений. Прошу этот момент тоже учесть, потому что желательно, чтобы максимально те, кто хотел бы сегодня выступить, поделиться своим мнением относительно состояния уголовно-процессуального законодательства и перспектив его развития, имели такую возможность.

Идет прямая трансляция парламентских слушаний в Интернет. Это тоже для сведения всех присутствующих.

Итак, уважаемые коллеги, начинаем нашу работу. На данный момент зарегистрировались 49 участников. Я прошу прощения у всех, кто столкнулся со сложностями на проходе в здание Совета Федерации. По нашей информации, там еще стоят люди. К сожалению, эти проблемы есть в Совете Федерации. Я думаю, что это нужно решать, но не в рамках настоящих парламентских слушаний. Просто приношу извинения тем, кто столкнулся с этими проблемами.

Я хотела бы предоставить слово первому заместителю председателя Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству Александрову Алексею Ивановичу для приветствия от имени комитета и некоторых позиций, мнения, которые он хотел бы представить.

Пожалуйста, Алексей Иванович.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Спасибо.

Прежде всего, я хотел бы поблагодарить Елену Борисовну за организацию этих парламентских слушаний. Это на самом деле чрезвычайно важный вопрос. Мы с вами все друг друга давно знаем. В очень сложных условиях рождается наш современный уголовный процесс, но все мы понимаем, что необходимо этим заниматься и постоянное внимание к этому вопросу совершенно очевидно. Для всех нас ясно, что состояние преступности в нашей стране требует постоянного внимания общества и государства, и необходимость требования такой организации уголовного правосудия, чтобы ни один невиновный не был привлечен к ответственности и осужден, совершенно очевидна, так нас учили наши учителя.

Нашим комитетом с января 2014 года ведется изучение состояния уголовно-правовой политики в Российской Федерации.

Была образована рабочая группа под руководством председателя комитета Клишаса по изучению проблем в сфере уголовной политики по направлениям уголовно-правовой, уголовно-превентивной, уголовно-розыскной, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной и уголовно-организационной политики. Мы убеждены, что все эти направления взаимосвязаны между собой, и, занимаясь совершенствованием законодательства и правоприменительной практики по одному из этих направлений, нужно обязательно иметь в виду, что делается по другому направлению.

В рабочую группу вошли члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, руководители Верховного Суда, Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, МВД, ФСБ, Минюста, Федеральной палаты адвокатов, ведущие ученые-процессуалисты. По заключению рабочей группы был сделан вывод о том, что при осуществлении деятельности в сфере уголовной политики у нас явно недостаточно системности, научности и стабильности. Законодательство постоянно претерпевает изменения, часто в законодательные акты производятся вбросы, поправки содержат противоречащие друг другу правовые положения, отсутствует единый центр

координации законопроектов в сфере уголовной политики. Более подробно об этом будет в своем выступлении говорить Елена Борисовна.

За последнее время были приняты важные решения по декриминализации ряда преступлений, по расширению деятельности суда присяжных, вы об этом знаете. В частности, юридический факультет МГУ готовит новый вариант Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Но особого внимания, безусловно, требует самое главное для нас направление – это уголовно-процессуальная политика: Уголовно-процессуальный кодекс и правоприменительная практика в этом направлении.

В Послании Президента в декабре 2015 года было уделено особое внимание совершенствованию уголовно-процессуального законодательства. Очевидно, что необходимо определить наиболее серьезные проблемы развития российского уголовного процесса, и прежде всего на концептуальном уровне.

Нестабильность уголовно-процессуального права является серьезной проблемой. Любая стратегия должна основываться на доктрине сдерживания реформ, которые не могут проводиться постоянно, иначе возникает ситуация перманентной правовой неопределенности, что негативно сказывается на правах граждан и на социально-экономическом развитии страны. Кроме того, в условиях нестабильности невозможно подготовить квалифицированных юристов.

Реформирование в уголовно-правовой сфере не может проводиться исключительно в интересах одного ведомства и может быть только в интересах всего общества и государства с учетом системы уголовной юстиции как единого целого. В отличие, может быть, от других направлений уголовной политики, где возможны какие-то изолированные, точечные реформы, уголовный процесс по определению взаимосвязан. Мы прекрасно понимаем, что от решения в одной из стадий, допустим, в стадии возбуждения дела или расследования, зависит решение в другой стадии, и это невозможно разорвать.

Проблемы, которые мы сегодня обсуждаем, возникли в результате ряда реформ, прошедших за годы после принятия УПК 2001 года, когда была разорвана цельная уголовно-процессуальная ткань, которую необходимо восстановить.

Количество изменений в УПК за последние 15 лет исчисляется многими сотнями, и надо сказать, что этот процесс такой активной законодательной интервенции не мог не разбалансировать кодификационные акты, которые очень сложно переносят такое массивное законодательное изменение.

Должен сказать, что этот процесс продолжается, и мы не можем не учитывать и практику Европейского суда по правам человека, и практику Конституционного Суда, который ряд концептуальных норм УПК признал не соответствующими Конституции. Все это требует внимательного изучения и использования в нашей работе.

Несмотря на большое количество проблем и противоречий в действующем УПК, нельзя не признать, что России удалось сохранить основы уголовно-процессуальной инфраструктуры, которая сформировалась как минимум за последние 150 лет, если отсчитывать с Устава уголовного судопроизводства Российской империи. Поэтому общий вектор развития российского процессуального законодательства определяется именно в этом направлении, несмотря на последние изменения, которые все мы знаем.

При работе нашей рабочей группы было две точки зрения. Одна точка зрения – что нужно еще и еще раз возвращаться к концептуальной позиции российской исторической уголовно-процессуальной теории, которая соответствует европейской концепции уголовно-процессуальной деятельности, или все-таки больший крен делать на англосаксонскую теорию, на некоторую американизацию, которую мы тоже использовали при формировании законодательства в прошлом.

Что касается континентальной позиции развития уголовного процесса, то такие формулировки содержатся в УПК Швейцарии (кстати, новейшем, 2011 года), Германии, Франции. Этот принцип содержался и в Уставе уголовного судопроизводства Российской империи.

Что касается сегодняшних проблем, у нас было очень много вопросов, которые касались объективности, справедливости в уголовном процессе, обсуждался вопрос и объективной истины. Достаточно сказать, что этот принцип существовал в уголовном процессе Михаила Соломоновича Строговича, и мы им пользовались до принятия нового УПК, в том числе и в период, когда была принята Конституция 1993 года. Закон вступил в силу 1 июля 2002 года, и эти 10 лет мы пользовались старой схемой. Эти вопросы широко обсуждаются учеными, как все-таки использовать то или другое направление в развитии уголовного процесса в будущем, но в настоящее время существуют очень серьезные проблемы, которые требуют оптимизации на сегодняшний день.

Прежде всего, это оптимизация соотношения следствия и прокурорского надзора. Здесь надо абсолютно четко понимать, что одно дело – судебный следователь, который был поистине независимым, его взаимоотношения с прокурором определяются тем, что прокурор взаимодействует с представителем судебной власти. Это один момент. И тогда действительно следователь, судья могут быть независимыми от прокурора и самостоятельными.

Другое дело – некий такой, теоретически если можно сказать, полицейский следователь, который имеет ведомственного начальника. Когда решался вопрос об отделении следователя от прокурора, мы думали о том, чтобы сделать независимым прокурора, чтобы прокурор, надзирающий за законностью на предварительном следствии, не был зависимым от подчиненного следователя, чтобы он был абсолютно от него отделен. Но при решении этого вопроса мы, как говорили иногда старые профессора, выплеснули из ванны вместе с водой ребенка. Мы следователя сделали независимым от прокурора, но очень зависимым от ведомственного начальника как в следственном аппарате МВД, самом многочисленном, так и в Следственном комитете. И требуется тоже повышенное внимание к тому, чтобы усилить надзор за законностью на предварительном следствии. Таким образом, практически то следствие, которое у нас сегодня имеется, нуждается в усилении прокурорского надзора.

Подмена прокурорского надзора ведомственным контролем, или, как мы его иногда называем, процессуальным контролем, изначально ущербна в силу наличия ведомственных интересов. Скорее всего, это был шаг назад, чем шаг к обеспечению независимости следователя.

Особую озабоченность вызывает так называемый особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. Этот порядок на сегодня уже стал не особенным, как отмечают многие ученые и практики, а вполне ординарным. В прошлом году осуждены по нормам главы 40 УПК, то есть без установления виновности подсудимых в традиционном понимании этого слова, в ходе судебного следствия, 84 процента от общего числа осужденных лиц. Если считать от общего числа дел, поступивших в суды, то это будет 60 процентов, а от числа осужденных – 84 процента. Изначально такой порядок распространялся на дела, санкции по которым за преступления не превышали пяти лет лишения свободы, затем увеличились до 10 лет. Были предложения увеличить и до 15 лет. Этот вопрос обсуждается, но я думаю, что принят не будет. В таком случае у нас доходило бы до 98 процентов уголовных дел, рассматриваемых в таком порядке.

Это было принято положительно и следователями, и судьями. Судьям это удобно, поскольку дело по существу рассматривается без процесса. Если можно так выразиться, суд на осуд, а не на рассуд, то есть суд без суда. И это может повлечь за собой большое количество судебных ошибок, в том числе латентных ошибок. Это связано иногда с самооговором и так далее. Это тоже требует повышенного внимания. Если и сохранить такой порядок, то только применительно к преступлениям, совершенным в условиях очевидности, а также преступлениям небольшой и средней тяжести.

Что касается досудебного соглашения о сотрудничестве, то здесь также есть глава 40.1 УПК. Может быть, нормативно определить перечень составов, по которым заключение такого соглашения возможно, но не по всем категориям преступлений, а только по тяжким.

Также необходимо критически пересмотреть положение о том, что дознаватель, следователь, прокурор на досудебных стадиях являются стороной обвинения. Ни к чему, кроме обвинительного уклона, у нас это не приводит, и это несовместимо с идеей объективности и справедливости в уголовном процессе.

В любом случае позитивное развитие всей уголовной системы и уголовного процесса возможно только при некоторой интеллектуальной консолидации, когда мы, обсуждая все эти вопросы, изучим все pro et contra и примем какое-то разумное решение.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Алексей Иванович, время.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Единственное, что мне еще хотелось бы сказать, – буквально два слова о прокурорском надзоре. Я считаю, что нам нужно расширить прокурорский надзор на предварительном следствии, и не для того, чтобы усилить позицию прокурора, а для того, чтобы усилить институт законности. Я глубоко убежден в том, что прокурору нужно дать право возбуждения уголовного дела, прекращения дела. И оперативно-розыскная деятельность, и арест – судом через прокурора.

Также требует внимания адвокатура. Очень много проблем: все эти незаконные обыски в адвокатских бюро, часто нарушение законности в отношении адвокатов. Речь идет тоже не об адвокатах, а о праве на защиту, о нарушении конституционного права граждан.

И последнее – правоохранительные органы и средства массовой информации. Обратите внимание: сегодня совершается убийство – завтра в прямом эфире на Первом канале в течение трех часов рассматривается это дело по существу: вызываются свидетели, потерпевшие, дают показания. Появляется общественная оценка ситуации, и таким образом выносятся общественный приговор не только до суда, а даже еще до предварительного следствия. Я уж не говорю о том, когда в средствах массовой информации, нарушая принцип презумпции невиновности, дается сразу массивная характеристика преступления, которое совершил арестованный человек. Показывают обыски, всякие другие действия, как, например, произошло с делом Шамхалова. Вы знаете, это руководитель ВАК, который был арестован за гражданско-правовые отношения с Внешэкономбанком. Но средства массовой информации в течение недели показывали ВАК, обыски в ВАК, давали всякие негативные характеристики в отношении ВАК, хотя в отношении

ВАК не возбуждалось дело и ни одного упрека со стороны уголовно-процессуальной власти в отношении ВАК не было. Через три года, буквально недавно, дело в отношении Шамхалова было прекращено за отсутствием события преступления, и практически ни одной информационной какой-то статьи или передачи по этому поводу не было. Это все тоже относится к проблемам уголовного процесса, к тому, что мы сегодня обсуждаем.

Вот так, совсем коротко, мне хотелось сказать о проблемах, ну и еще раз поприветствовать нашу встречу. Я думаю, что мы активизируем нашу работу. Спасибо.
(Аплодисменты.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

А.И. АЛЕКСАНДРОВ

Елена Борисовна – основной докладчик. Пожалуйста.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Уважаемый Алексей Иванович, уважаемые участники! Мы рады приветствовать вас на площадке Совета Федерации и Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству для обсуждения очень серьезного вопроса, связанного с тем, что в этом году, в декабре, будет 15 лет со дня принятия нового Уголовно-процессуального кодекса. Он уже не новый, скажем так, кодекс 2001 года, а 1 июля следующего года будет 15 лет со дня введения его в действие.

Конечно, очень многое изменилось за это время: политическая ситуация вокруг России; борьба с терроризмом, которая вынудила ввести ряд поправок в Уголовно-процессуальный кодекс, связанных с особенностями расследования, судебного разбирательства этих уголовных дел; ситуация, в которой оказалась Россия: санкции, деятельность, в частности, ЕСПЧ применительно к России и искам к России. Я скажу, что если в начале 2000-х годов мы во многом идеализировали Европейский суд по правам человека, то сегодня всему миру и нам очевидно, что Европейский суд по правам человека тоже политизирован, тоже страдает объективным уклоном по меньшей мере в отношении России и исков применительно к России. Это печальное обстоятельство, но, с другой стороны, это реальность, с которой мы должны считаться. Однако такого рода понимание и осознание того, что происходит, в том числе даже в таких, скажем, классических институтах, каким является Европейский суд по правам человека, не может являться оправданием того, чтобы здесь, в России, применительно к расследованию и судебному разбирательству дел, участниками которых являются наши граждане, нарушались права, царствовал обвинительный уклон,

справедливость и милосердие были вторичными, а не первичными при принятии решений в рамках уголовного процесса.

Сегодня всем очевидно, что Уголовно-процессуальный кодекс ознаменовал не только начало системной (замечу – системной) процессуальной реформы в начале 2000-х годов в сфере уголовного правосудия, и, как мы тогда предполагали (и жизнь это подтвердила), это самый сложный этап судебной реформы. Напомню, что судебная реформа 2000-х годов, которую инициировал Владимир Владимирович Путин, став Президентом Российской Федерации, действительно системна, масштабна и самый сложный этап – процессуальный, потому что он связан еще с пересмотром, переосмыслением очень многих новых для уголовно-процессуальной деятельности институтов.

Вот здесь сейчас Алексей Иванович ссылался на то, что как же принцип объективной истины?.. Ведь даже Михаил Соломонович Строгович его придерживался. А разве можно было придерживаться иного принципа в советское время? Это было невозможно. Принцип объективной истины, конечно, потому что никаких сторон, никакого разграничения процессуальных полномочий. Но было то правосудие справедливым? Нет. И сегодня ни один человек не сможет доказать, что правосудие советского времени было справедливым. Нет, оно было политизированным, оно было идеологизированным. Да, все привыкли к нему и с ним сработались, сжились, как и со всеми многими другими принципами, которые, может быть, и не устраивали, были нехороши в то время, но это была наша жизнь, она была такая, какая есть. Поэтому то, что тогда был принцип объективной истины, не является доказательством того, что он в нынешних условиях может работать.

Также прозвучало то, что у нас нет концепции совершенствования уголовного правосудия. Нет, это не так. Я хотела бы напомнить, что на самом деле вся процессуальная реформа проходила в рамках определенной концепции – концепции, в основе которой было обеспечение верховенства суда, независимости суда не только от сторон, и прежде всего стороны обвинения, но и от идеи обвинения. И даже принцип презумпции невиновности впервые был включен в число основных принципов в рамках уголовно-процессуального закона. Разве может быть независимым суд, который фактически подменяет сторону обвинения, кто ведет допрос, кто принимает решение о возвращении дела на дополнительное расследование, наделен полномочиями возбуждать уголовные дела? Мы уже от этого отвыкли, но ведь 15 лет назад было именно так. И это при отсутствии стороны обвинения в процессе, при отсутствии принципа обязательного участия

прокурора, обязательного участия защитника. Суд вез все в советском уголовном процессе, и это правда. И нам надо было все это изменить.

Поэтому соответственно вся концепция уголовного процесса была построена в первую очередь на задаче обеспечения верховенства суда, его действительно процессуальной независимости, ограничении, освобождении от обвинительного уклона, который господствовал. И, к сожалению, даже спустя 15 лет (я думаю, здесь будут об этом говорить) мы полностью не изжили издержки обвинительного уклона даже в деятельности суда.

А это сказывается на деятельности всех других участников, потому что в современном уголовном процессе суд задает и направление развития уголовно-процессуальной деятельности, и уровень справедливости, и уровень беспристрастности, суд задает своим поведением, своими решениями.

Но вряд ли кто будет сегодня спорить, спустя 15 лет, что мало того, что мы оказались в ситуации решения сложнейших задач процессуальной реформы в России, но именно процессуальная реформа дала мощнейший толчок развитию всей судебной системы. Достаточно вспомнить о том, что ведь мы тогда же параллельно вместе с Администрацией Президента готовили федеральную целевую программу развития судебной системы. Я помню, что это было очень сложно, потому что где было взять деньги? Разве судьи не помнят того, что повестки не на чем было выписывать? Даже бумаги не было! Я не говорю про социальные гарантии. Прокуратура, следствие... Посмотрите, какие это институты сегодня! Адвокатура, развитие науки, научных школ, научных исследований... Наконец-то то, о чем мы даже не могли мечтать в начале 2000-х годов – возобновление и восстановление институтов повышения квалификации, переподготовки судебных кадров, следственных, прокурорских, адвокатских, – сегодня все это наша реальность.

Центральной проблемой, как я уже сказала, которую был призван решить новый Уголовно-процессуальный кодекс, являлась проблема обеспечения процессуальной независимости суда. И это потребовало очень многих усилий, переосмысления, в частности, самой идеологии уголовного процесса. А как суд будет теперь в этих условиях, где он обладает верховенством, а не прокурор, осуществлявший надзор за судом?.. Именно эта часть сферы уголовного правосудия, или круг участников, особенно болезненно воспринимала весь ход процессуальной реформы. Как будут складываться взаимоотношения суда, сторон? Каковы будут взаимоотношения государства и личности, которая вольно или невольно оказалась втянутой в сферу уголовного правосудия?

Как и предполагали, процесс переосмысления был очень болезненным, именно поэтому была изначально, уже тогда, в начале 2000-х годов, выработана стратегия организации

мониторинга (я других прецедентов не знаю) проведения процессуальной реформы сразу же, с момента принятия закона, то есть фактически даже за полгода до введения его в действие.

Администрацией Президента и комитетом Государственной Думы по законодательству была принята программа на 2002–2004 годы по мониторингу реформы уголовного правосудия. Была создана межведомственная группа, куда вошли представители всех основных ведомств, Федеральной палаты адвокатов, ведущие ученые, представляющие разные точки зрения применительно к уголовному процессу, и эта межведомственная группа в течение двух лет провела гигантскую работу. Достаточно сказать, что мы проехали по всем федеральным округам. Были проведены 32 научно-практические конференции. Причем суть этих конференций была такова, что в них одновременно принимали участие представители всех ведомств, не только одной стороны в уголовном процессе, а всех ведомств, потому что уголовный процесс – это не есть усилия одного ведомства, это совокупные усилия разных ведомств с разными задачами, с разными критериями оценки их деятельности. И зачастую эти позиции и задачи абсолютно противоположные. Но в этом смысл уголовного процесса и процессуальной площадки, что здесь можно примирить такого рода разные точки зрения, но в рамках открытой, прозрачной, понятной процедуры по единым правилам.

В рамках именно этих конференций было подготовлено на этой межведомственной основе три законопроекта, которые стали федеральными законами. И, обратите внимание, они не только не разрушали концепцию, они не вызвали никакого противостояния в обществе, у тех, кто обеспечивает сферу уголовного правосудия, потому что они устраняли выявившиеся пробелы, противоречия, но не только. Я хотела бы обратить внимание, например, что из статьи 63 относительно судей, где предусмотрены ограничения, кто не может быть судьей при рассмотрении конкретного дела... ведь мы согласились и удалили часть статьи, которая предусматривала запрет для судьи, который принимал решение в ходе досудебного производства, потому что, вы знаете, процессуальная реформа ввела судебный контроль за осуществлением ряда процессуальных действий в ходе досудебного производства, что этот судья не может рассматривать то же дело по существу.

Мы вынуждены были тогда эту норму убрать. Почему? Не потому, что мы с этим согласны, а потому, что мы согласились с Председателем Верховного Суда Вячеславом Михайловичем Лебедевым в том, что на тот период численность судей была такова, что сложно было бы обеспечить выполнение этой нормы. И в данном случае мы были перед выбором: либо сохранить судебный контроль за осуществлением ряда процессуальных действий в ходе

досудебного производства, либо сохранить запрет на то, чтобы судья, который принимал такие решения, мог рассматривать потом это дело по существу.

Конечно, очень важен был бы последующий мониторинг, а есть ли такие прецеденты. Я не исключаю, что их, в общем-то, нет, а может быть, наоборот, есть. Во всяком случае, могу сказать, что, выступая в 2005 году на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры, Владимир Владимирович Путин дал очень высокую оценку именно мониторингу УПК, сказав, что это наглядный, положительный пример совместной работы различных ведомств и ученых, потому что только таким путем можно достичь согласованной позиции. Так работала, кстати, группа разработчиков УПК. Напомню, что мы его приняли после первого чтения и готовили ко второму.

Перечень новелл, которые повлияли не только на сам ход, на содержание уголовного процесса, но даже на развитие инфраструктуры... Вы только подумайте, какие нормы мы тогда заложили. Это мы заложили! Кстати, у нас не было положений, которые противопоставляли бы прокуратуру и следствие в том виде, как это произошло не с нашим участием. Мы бы никогда не допустили ситуации, чтобы прокурор был освобожден от функции надзора за следствием, мы бы никогда не допустили ситуации лишения прокурора полномочия по возбуждению уголовного дела. В концепции, заложенной в УПК, прокурор возглавляет сторону обвинения, он отвечает за качество обвинения, это от него зависит, пойдет уголовное дело в суд с обвинительным заключением, обвинительным актом или нет, потому что ему отстаивать в суде именно обвинительные тезисы, он должен быть в этом уверен, и у него механизм возвращения на дополнительное следствие того или иного уголовного дела. Как можно было лишить прокурора таких полномочий?!

Да, на том этапе, могу сказать, среди тех 35 концептуальных положений (потому не будем лукавить, это концепция, которая была поддержана Путиным Владимиром Владимировичем, мы опубликовали эти документы, концептуальные вещи, положенные в основу уголовного процесса) – только один тезис, касающийся Следственного комитета (это предлагала группа разработчиков), чтобы в России был Следственный комитет на правах самостоятельного ведомства, потому что опять же, не скрою, мы обсуждали и с Верховным Судом Российской Федерации возможность возвращения того, что существовало в Уставе уголовного судопроизводства, – возможность введения следственного судьи под контролем суда. Но на тот период это было невозможно, хотя идея была очень заманчива. Невозможно, потому что опять же в силу того, что суд материально-технически не был обеспечен, кадров не хватало, институт мировых судей только формировался, соответственно, это было просто нереально. Ну а сегодня, я

думаю, при том, какая материально-техническая база, насколько профессионально (я не беру ошибки) работает самостоятельно Следственный комитет, конечно, смысл создавать институт следственных судей вряд ли есть. Но это можно обсуждать.

Поэтому тогда мы были перед выбором: что делать со следователем? По идее, он должен действительно все обстоятельства исследовать, но реально-то он все-таки на стороне обвинения. И сам уголовный процесс – это все-таки прежде всего деятельность, которая связана с уголовным преследованием, с установлением виновного, его наказанием. Но в природе уголовно-процессуальной деятельности такая же неотъемлемая задача – недопущение преследования и осуждения невиновного. Поэтому скорость, с которой выясняется, что человек невиновный, и освобождение его, его реабилитация – это те вопросы, которые заложены в уголовном процессе, и они равновеликие наряду с задачей и назначением уголовного процесса, связанного с уголовным преследованием. И кодекс мы ведь так и выстроили, в том числе введя институт недопустимых доказательств в суде, что да, в ходе досудебного производства не обеспечить состязательность такую, какой она должна бы быть. Да, у нас следователь на стороне обвинения, давайте честно говорить, что это так.

Но для того чтобы любое доказательство обвинительное потом не распалось в суде, профессиональный следователь обязательно будет его проверять с помощью того, что усомнится это доказательство, то есть через оправдательные доказательства. А как вы еще сделаете? Просто их отбрасывая, вы фактически создаете ситуацию, где в суде развалится это обвинение. И мы пошли на то, чтобы ввести институт недопустимых доказательств. Мы брали это из западного, американского процесса? Всё из Устава уголовного судопроизводства (он был настольной книгой нашей рабочей группы). И то, что показания, которые взяты без адвоката в ходе предварительного расследования, не признаются в суде и на них нельзя ссылаться в судебном решении... Не думайте, что все это так просто было провести. Но эти позиции были поддержаны Владимиром Владимировичем Путиным, и он лично еще более 100 поправок внес перед вторым чтением, потому что мы же на этапе второго чтения входили в Уголовно-процессуальный кодекс.

И, конечно, планировалось, что тогда, по мере развития процессуальной реформы, когда Следственный комитет... сначала он был в МВД, потом выделился в рамках обвинительного ведомства – прокуратуры... То есть смотрите, как последовательно, шагами за эти 15 лет развивался институт следствия, а затем стал Следственным комитетом, который фактически (его гарантии, его процессуальная независимость обеспечиваются Президентом, учитывая, как назначается Председатель Следственного комитета) превратился действительно в самостоятельное

ведомство, которое, я думаю, сегодня в состоянии действительно выполнять функцию именно расследования, то есть как бы следственных судей. И можно в этом направлении обсуждать реформирование уголовного процесса, только надо понимать, что просто выведение следователя из стороны обвинения – это не решение вопроса, это блок вопросов, очень серьезный: это возвращение прокурорского надзора (его в любом случае надо возвращать за следствием), причем достаточно жесткого; это инициатива возбуждения уголовных дел прежде всего у стороны обвинения, а у следователя если она и должна быть, то, может быть, у руководителя Следственного комитета или территориальных управлений, как исключение из общего правила, что инициирует само обвинение прокурор. Это означает, что в суде следователь может быть свидетелем, а не так, как сейчас, где это невозможно, потому что он участник, заинтересованный в исходе дела, он на стороне обвинения. А это означает, что и процессуальный акт, за которым заканчивается следствие, обвинительное заключение, обвинительный акт не следователь должен составлять, а прокурор. А следователь... Возможно, это будет его заключение, возможно, какое-то другое процессуальное решение, но у следователя будет право в том числе сформулировать полностью оправдательный тезис. То есть это целый блок вопросов, он непростой. И если уж идти по этому пути (а я думаю, что обсуждать в любом случае надо), надо выработать серьезный согласованный механизм, а не пытаться лоббировать какие-то интересы.

Скажу, что перечень процессуальных новелл, которые повлияли не только на создание мощной, сильной инфраструктуры судебной... Мы можем гордиться сегодня тем, как у нас устроены и организованы судебная власть, даже система ГАС "Правосудие", сами здания судов, социальные гарантии судей. Но обязательно участие прокурора. У нас сохранились все документы (я думаю, что еще будет время, мы и эту часть опубликуем) относительно того, сколько прокуратура, возражая против введения обязательного участия, нам представляла документов, расчетов, как это дорого может обойтись государству, какое количество прокуроров требуется, чтобы обеспечить обязательное участие. Мы пошли на уступку, указав, что может и другое должностное лицо выполнять эти функции, должностное лицо даже органа дознания. Но обязательно участие прокурора. Посмотрите, как инфраструктура органов прокуратуры, системы прокуратуры развилась за последние годы, какой это достойный институт, какая конкуренция даже устройства в органы прокуратуры. Это показатель.

Обязательно участие защитника. Вот уж где есть провал в уголовном процессе, где больше надо было бы защищать – это именно права стороны защиты, ее процессуальные полномочия, потому что она остается в ущемленном положении. А, к сожалению, все 15 лет

акцент делался на то, что мы всё предоставили стороне защиты, а вот бедная сторона обвинения и потерпевший никак не защищены. Это не так. Заложено в концепции уголовного процесса, что именно сторона обвинения должна прежде всего работать с потерпевшим.

Потерпевшего защищает государство, обвинители – и прокурор, и следователь. Но, к сожалению, если не срабатывает, то это во многом вопрос к тем, кто занимается расследованием, уголовным преследованием. Почему они формальны? Почему они небрежны к потерпевшим? Почему они безучастны зачастую к потерпевшим? То есть это вопрос другого свойства, а не концепции уголовного правосудия.

Система видеоконференц-связи, я напомним, впервые появилась в нашем Уголовно-процессуальном кодексе. В частности, ведение судебного заседания, где обвиняемый остается, учитывая расстояния, территорию России, в следственном изоляторе. Пожалуйста, сегодня фактически все следственные изоляторы, крупные во всяком случае, уровня субъекта, имеют такого рода возможности.

Меры безопасности для свидетелей и потерпевшего. Почему наши оппоненты, обвиняя в том, что мы какую-то западную модель создавали?.. Да что вы! Ничего западного здесь как раз нет. А то, что совпадают какие-то моменты, – извините, процесс – это технология, а технология везде... Мясорубка, извините, и в Америке, и везде одинакова, основные ее части, а все особенности – это как мы умеем тут крутить и что возможно в наших условиях. Так вот, меры безопасности для свидетеля или потерпевшего тоже введены Уголовно-процессуальным кодексом. И что мне по этому поводу многие председатели судов говорили? Поскольку меры безопасности, возможен допрос в суде вне визуального наблюдения, мы это заложили в УПК. А как это сделать? Поэтому под это были выделены деньги, чтобы был зал, особенно в судах уровня субъектов, оборудованный таким окном. И мне ряд председателей говорили: мы этим воспользовались, еще и другие помещения подремонтировали. Но сегодня, слава богу, вообще здания судов и материально-техническая база судов на очень достойном уровне.

Домашний арест тоже вводили со многими осторожностями, он плохо применялся. А сегодня последующее развитие этой меры пресечения привело к тому, что сегодня уже и аудиовизуальные, и электронные, и иные технические средства контроля.

Можно многое перечислять относительно того, что изменилось. Но я полагаю, что это должно быть предметом очень серьезного мониторинга и обсуждения, чего, кстати, мы не привыкли делать в России. 15 лет мощнейшей процессуальной реформы. Почему она буксует? Почему при таких вложениях наших налогоплательщиков в судебную систему, когда сегодня

социальные гарантии следователей, прокуроров, судей великолепные, когда материально-технические условия замечательные, конкурсы на все эти должности громадные, снова растет число обращений людей с жалобами на решения судов, на действия следователей? Рост практически такой же, какой был в начале 1990-х. В чем причина? Поэтому нам надо обязательно сделать серьезный, детальный анализ этих 15 лет и сформулировать соответствующие предложения.

Я хотела бы обратить внимание на то, что в Уголовно-процессуальном кодексе мы ведь применили ряд технических приемов, юридико-технических, которые очень важны и которые полностью проигнорированы теми, кто потом влез в поправки в этот кодекс. Я сейчас на них специально остановлюсь.

Так вот, что по приемам юридической техники? Все обратили внимание на статью 5 – категориальный ряд. Категория – это основа любого закона, она должна быть точна и определена. Поэтому все то, из чего складывается уголовно-процессуальный закон (в законе это слова, слова – это термины, они очень важны), обязательно должно быть определено. Сколько у нас было споров, как точно определить в целях уголовно-процессуального закона тот или иной термин.

Структура УПК. В отличие от УПК РСФСР, УПК... хотя он и из пяти частей, но как выстроен. Первая часть – общая. А положения второй, третьей, четвертой, пятой частей могут применяться только во взаимосвязи с общей частью, в едином комплексе. Это позволило нам уйти от повторов. Вы обратили внимание, что очень много внутренних отсылок. Нас кто-то за это ругал. Но, извините, как только вы норму повторяете из общей части в особенной, вы всегда допускаете неточность. Всегда эта норма несет какое-то изменение. Если же вы к ней ссылаетесь, применяете вместе с этой нормой, то это совсем другое дело. Здесь не может быть иного толкования и применения.

Вторая часть – досудебное производство. Она тоже выстроена: первые главы – общие положения, а следующие главы в досудебном производстве – это как бы особенности (предварительное расследование, дознание, отдельные следственные действия). Причем все то же самое в рамках предварительного следствия заложено.

Применительно к судебному разбирательству – тоже так же: предварительное слушание как общая часть и то, что, собственно, само судебное разбирательство.

Часть четвертая – особенности. Почему особенности? Да потому, что вторая и третья части – досудебное и судебное производство – рассматриваются как обычное судопроизводство, то есть так, как оно бы текло, если бы не было особенностей.

И впервые осторожно (сколько было споров!) мы ввели форму согласия обвиняемого с предъявленным обвинением. Когда нас потом обвиняли, что все тайно... Вот те, кто обвинял, а вы были хотя бы на одном из четырех слушаний, которые мы проводили каждый месяц до того, как законопроект был принят во втором чтении? Это было в 2001 году, весной. Каждый месяц по каждой отдельной главе, касающейся предварительного расследования и связанной с особыми формами или сокращенными формами досудебного производства... И это было не только согласие... Сделки, кстати, о признании, уж если на то пошло... мы не взяли в чистом виде американский вариант, у нас согласие обвиняемого с предъявленным обвинением. Мы еще три других вида, включая уголовные приказы, обсуждали очень серьезно.

И обратите внимание: в законе о введении в действие УПК 2001 года у нас была статья 13, где было сказано, что приложения к уголовно-процессуальному закону в виде бланков (их было 123 образца) являются составной частью Уголовно-процессуального кодекса. В июле 2003 года мы сделали их самостоятельной шестой частью (уже было около 200 образцов). Я очень сожалею, что их убрали в 2007 году. И мы сейчас проведем этот мониторинг, ну, может быть, кто-то, если нам не удастся это сделать. А все-таки научились за пять лет работать по этим процессуальным стандартам, и некоторое даже было открытием для нас самих. Когда мы стали готовить образцы процессуальных документов, то оказалось, что это и есть процессуальный стандарт, а он необходим. В этом прежде всего должны быть заинтересованы следователи, прокуроры, адвокаты, защитники, потому что это процессуальный стандарт, он обеспечивает единообразное понимание и применение процессуального закона, и это гарантия того, что не будет доказательство, которое описано в этом процессуальном бланке и собранное в соответствии с ним, признано недопустимым в суде.

К сожалению, меркантильные вещи, которые обсуждались уже тогда, – что образцы процессуальных документов каждое ведомство готовило для себя, научные школы продавали эти образцы в виде книг, это было очень неплохое подспорье – тоже работали. Но я надеюсь, что все-таки процессуальные стандарты, которые пять лет применялись, остались едиными, нет очень больших отступлений. Но это только мои надежды, я не имею мониторинговой информации.

Скажу, что, конечно, мы сегодня должны признать, что обвинительный уклон полностью не изжит. Более того, я сейчас приведу примеры по изменениям. К сожалению, ряд изменений был связан с тем, чтобы частично вернуть суду те полномочия, которые фактически ставят его в позицию что-то делать за обвинителя, за сторону обвинения, а это не очень хороший прием, это худой прием, мы от него уходили. И, оставляя какие-то полномочия, инициативы суда, мы очень

серьезно обсуждали и с судьями Верховного Суда, которые вместе с нами готовили эти поправки, насколько допустимы, насколько оправданны такого рода полномочия. Поэтому преодоление обвинительного уклона, дальнейшее разграничение процессуальных функций, устранение правовых оснований для злоупотребления полномочиями (а это факт, который сегодня уже даже озвучен Президентом) – это то, в каком направлении должен развиваться уголовно-процессуальный закон.

Но есть и еще одна очень важная проблема, о которой говорил мой коллега Алексей Иванович, и она, может быть, более важная. К тому же Совет Федерации дал нашему комитету поручение, чтобы мы с этой проблемой разобрались и предложили Совету Федерации вариант, как упорядочить процесс внесения изменений в Уголовно-процессуальный кодекс.

Так вот, ситуация такова, что одна из причин такого поддержания обвинительного уклона – это законодательная чехарда (иначе я назвать не могу), связанная с беспорядочным внесением поправок. Она порождает и пренебрежительное отношение к Уголовно-процессуальному кодексу, как к закону, который легко можно изменить, достаточно найти какие-то сильные лоббистские группы, которые это быстро проведут (быстро, причем за месяц, даже за две недели), подправить, сделать удобным для конкретного ведомства и вообще можно не исполнять, что, кстати, сразу продемонстрировал Верховный Суд Российской Федерации, издав постановление Пленума, которым дезавуировал статью Уголовно-процессуального кодекса, что обвинительное заключение не должно содержать описание доказательственной базы обвинительного тезиса, там только перечень доказательств, на которые опирался... и фабула обвинения. К сожалению, через постановление Пленума заставили делать следователей и прокуроров... А ведь мы исходили из той практики, которая существовала на момент принятия УПК, и ее никто не может опровергнуть, относительно того, что настолько суды в прошлые годы выполняли все за сторону обвинения, и даже можно было обвинителю не участвовать, что обвинительное заключение в рамках материалов уголовного дела поступает в суд и с него можно переписать приговор. Все очень удобно, не надо даже задумываться.

Так вот, с момента введения в действие УПК принят 191 федеральный закон о поправках в него, 77 из них (это почти 40 процентов) – поправки в статьи 30, 31, 150, 151 о подсудности и подследственности. Нам было очевидно, что будет много таких поправок. Это очень острые статьи. Было обсуждение, чтобы отослать к подзаконным актам, но вы сами понимаете, что подсудность и подследственность – это очень важные и принципиальные нормы. Это конституционное право на своего судью, на следователя.

Динамика вносимых изменений в отдельные годы, особенно 2013–2014 годы, вообще годы, когда доходит до двух-трех законов в месяц... И даже стала распространенной практика, когда ряд законов принимается в один день. Рекорд установлен 31 декабря 2014 года, когда было принято сразу семь законов о поправках в УПК. И скажу, что очень часто эти поправки необоснованные, они нарушают внутреннюю структуру, логику, вносят терминологическую неопределенность. Например, мы следили везде в тексте, чтобы были простые формулировки. Возьмите текст 2001 года – фактически лаконичные, краткие предложения. Даже вот такая вроде бы небрежность сути не меняет – "лицо, подозреваемое в совершении преступления", "лицо, обвиняемое в совершении преступления". Это втащили федеральным законом № 383 2009 года. У нас же везде подозреваемый, обвиняемый. Смотрите, как загромождается сама формулировка.

Или другой пример. В 2014 году (то есть это было совсем недавно) в статью 241 "Гласность" внесена поправка относительно того, что подсудимый должен лично участвовать. И в УПК у нас, понятно, – личное участие. Что вносят? Вносят: "Подсудимый участвует в судебном заседании непосредственно". Это действует. А в русском языке слово "непосредственный" означает откровенный, непринужденный. То есть если буквально исполнять теперь вот эту часть 6.1 статьи 241, то подсудимый в ходе судебного заседания должен быть, знаете, таким веселухой, таким непосредственным. А речь-то идет о личном участии. Поэтому на самом деле это курьез. Но такого рода курьез появился потому, что кому-то очень хотелось быстро внести. Зачем? Не понимаю.

Иногда законопроекты, как я уже говорила, банально поддерживают обвинительный уклон, и законодатели не замечают этого.

Федеральный закон № 269 от 21 июля 2014 года. В статью 237, пресловутую... Кстати, применительно к решениям Конституционного Суда скажу: как пришли в Конституционный Суд... Извините, я вещи назову своими именами, это было очевидно. Была Морщакова в составе Конституционного Суда, она обвинительному уклону, когда обсуждался УПК, очень серьезно противостояла. И это правда, как бы вы к ней ни относились.

А вот пришли те судьи, даже из судей Верховного Суда, что меня удивляет (но надо еще "поскрести", работали ли они раньше следователями и прокурорами), и обвинительный уклон в решение Конституционного Суда... Статью 237 вернули. Зачем? Ведь это же не случайно. Зачем? Давайте посчитаем, сколько стоят процессы, где бесконечно возвращаем на дополнительное расследование. Если дело уже в суде, следователь и прокурор отправили, выноси, суд, решение!

Выноси!

Если ты считаешь, что здесь не собраны доказательства, либо прекращай дело по реабилитирующим или нереабилитирующим основаниям, либо выноси оправдательный приговор. Судья по ходатайству стороны или по собственной инициативе (по собственной инициативе!) возвращает уголовное дело, когда он обнаруживает фактические обстоятельства, которые могут говорить о наличии оснований для квалификации действий как более тяжкого преступления. Неужели нельзя было дифференцировать? Пусть возвращает дело прокурору по другим основаниям. Кстати, там все основания формально определенные, где не нужно входить на стадии предварительных слушаний в оценку фактических обстоятельств дела. Здесь оставляют инициативу суда. И что суду делать? Ему же нужно это исследовать. Соответственно он же фактически уже входит в эту сторону, в объем обвинения, квалификацию обвинительного тезиса. Естественно, что здесь нужно было выделить такого рода полномочие, даже исполняя решение Конституционного Суда, но разумно это сделать.

Или вот сейчас к нам, в Совет Федерации, придет правительственный закон... Я даже, кстати говоря, удивилась, что Правительство оказалось более продвинутым, чем Государственная Дума, потому что Правительство внесло, наделив полномочиями суд по соединению уголовных дел по ходатайству стороны. Но у нас же две стороны. Обязательно учесть и той, и другой... Зачем работать-то за прокурора, за обвинителя? Ну, дайте ему возможность поработать, и так уже всё у него отобрали! Так нет, пишут "по ходатайству..." и включают... Правительство внесло без инициативы суда, сейчас к нам, в Совет Федерации, идет закон, в котором во втором чтении депутаты втиснули "по инициативе суда". Зачем опять в фактические обстоятельства вникать суду? Зачем опять брать на себя эту миссию за прокурора? Он с этим справится. Он не менее профессионален, чем суд. Ведь разумная инициатива суда нужна, и нас сами судьи в этом убеждали. Где еще нужно – пожалуйста. Но не надо делать судье что-то за обвинителя. Он в суде обязательно работает.

Поэтому вообще складывается впечатление, если взять этот набор поправок, что поправки являются не результатом согласованной позиции всех основных участников уголовного судопроизводства... А то, чего мы добивались в рамках межведомственной рабочей группы по мониторингу, обусловлено исключительно пробивными способностями отдельных представителей ведомств, проталкивающих те изменения УПК, которые удобны данному ведомству, а может быть, даже конкретному должностному лицу. Но они полностью противоречат и идут вразрез с задачами сферы уголовного правосудия и вразрез с национальными интересами России. Потому что доверие к суду, защищенность каждого гражданина, честного гражданина, его

уверенность в том, что не будет невинный человек необоснованно подвергнут мерам процессуального принуждения и уж тем более осуждению, – это очень важное состояние внутри России. Оно нам сегодня особенно важно, когда мы в такой изоляции.

Ну и уж вовсе абсурдная ситуация, могу обратить внимание, с этой чехардой. Мало того что в течение года... Если 30 законов о поправках вступают в силу в разное время, я не знаю, как правоприменители умудряются работать, потому что они же вступают в силу в разное время. Ну, абсурдная ситуация! Принимают в течение 2014 года два закона о поправках в часть 2 статьи 82 "Хранение вещественных доказательств". Один закон депутаты проинициировали (не буду говорить плохо об этих законах, они нужны, они хорошо уточняют), другой – правительственный. Но правительственный закон (естественно, он идет моментально) буквально в течение декабря принимается, вступает в силу 1 января, а опубликован 12 января. Как можно так относиться к законам? Ведь понятно, что только опубликованные законы в России могут применяться, уж тем более применительно к уголовно-процессуальному закону. Небрежность абсолютно необоснованная. Но она ведь и правовой нигилизм формулирует.

И вот эта нестабильность процессуального закона – это очень опасная вещь, потому что она в целом отрицательно сказывается на правоприменительной практике, на состоянии в обществе. То есть мы все время в ожидании того, что механизм изменится. А ведь процесс – это механизм, это механизм действия, это гигантская индустрия, в которой множество участников, где определенная последовательность осуществления действий, от которой зависит личность, репутация не просто человека, а всех предшествующих и последующих поколений. И именно мы, россияне, очень ревностно относимся к репутации, к этому нравственному и моральному состоянию.

Это наша особенность. Может быть, это следствие того, что о нас говорят: душевные, дух, душа. Но это так. Значит, мы должны через уголовно-процессуальный закон обеспечивать стабильность.

Поэтому мы предлагаем в проекте рекомендаций, выполняя поручение Совета Федерации, следующую рекомендацию: поручить нашему комитету подготовить соответствующий законопроект. Посмотрите, что мы предлагаем применительно к поправкам в УПК. Это вопрос номер один, именно этот, тот, который требует достаточно срочного решения. И просим тоже поучаствовать в обсуждении.

Первое. Предусмотреть периодичность принятия таких законов. Мы предлагаем один раз в год. Один раз в год с установлением единой даты вступления в силу. У нас бюджет принимается,

вступает в силу с 1 января. Почему применительно к УПК?.. Понятно, что с 1 января может быть сложно, но это вопрос обсуждения. Потому что осень – все заняты федеральным бюджетом. Хорошо, давайте сделаем с 1 марта, с тем чтобы люди после новогодних праздников и правоприменители не ждали шила в мешке, что там что-то на голову упадет, а могли спокойно подготовиться, посмотреть, что за поправка. Ведь даже одна маленькая поправка, вообще-то, везде рассматривается уже как процессуальная реформа, если она что-то меняет, малая реформа, но это так. То есть один раз вступает в силу – например, с 1 марта года, следующего за годом принятия этого закона.

Второе. Внесение изменений в УПК только на основании отдельного закона, потому что, к сожалению, подавляющее большинство законов – это в виде законов в отдельные законодательные акты... Даже работая в Госдуме, я отслеживала поправки в УПК и в УК специально, будучи даже председателем комитета по семье. Очень сложно. Легко прозевать, потому что поправки могут быть в профильном комитете внесены во втором чтении, и ты даже о них не узнаешь, потому что в названии идет алкоголь или еще что-то, абсолютно не имеющее отношения к УПК, а туда втискивают поправки.

Третье, что сделать, – это... Да, и запрет включать в другие... И как это могло бы выглядеть, в частности? Первое и второе чтения законопроекта могут осуществляться тогда, когда он вносится в соответствии с Регламентом Госдумы. А вот ввести третье и четвертое чтения, как у федерального бюджета (там тоже четыре чтения)... В третьем чтении сводить принятые в течение года законопроекты о поправках в УПК, принятые во втором чтении, в рамках третьего чтения. Ну и четвертое – еще раз выясняется, нет ли тут противоречий, потому что могут быть внутренние противоречия. Мы с этим сталкивались, когда в одну и ту же статью или часть вносится несколько поправок, а потом, когда смотришь (только уже сейчас смотришь в тексте УПК), оказывается, там несогласованность. Поэтому четвертое чтение тоже нужно.

И проводить третье и четвертое чтения, например, осенью, если с 1 марта будет вступать в силу закон, или в начале года, то есть установить эту единую дату. И все будут знать, что один раз в год только будет закон, который вносит изменения, и он вступает в силу в определенную дату, что, если вы хотите что-то изменить, обращайтесь своевременно. Никакой срочности по изменению уголовно-процессуального закона, которая бы не давала жить сегодня правоприменителям, нет. Нет ни одного положения, которое бы вот так "горело". "Горело" по терроризму, но, вы видите, все принято, включено, и где-то, может, даже надо будет откорректировать, потому что, к сожалению, я выявила ряд норм, где не обусловлено было

борьбой с терроризмом почему-то распространение ряда ограничений на вообще все уголовные дела, возможность распространения. Это неправильно. Такого рода не было преследования. И мы бы просили такого рода вопрос тоже обсудить.

Ну и, конечно, обратите внимание: в рекомендациях мы предлагаем в декабре этого года (или весной следующего года) провести специальную конференцию, посвященную 15-летию, в Совете Федерации. Может быть, обратиться и в Правительство, и к Президенту, и к Верховному Суду, и в Генеральную прокуратуру, и в Следственный комитет, если участники посчитают возможным, провести серию таких конференций или единую. Потому что это очень важный момент. Лучше, конечно, провести единую конференцию, где участвуют представители всех ведомств, и участвуют представители Верховного Суда Российской Федерации, потому что это сигнал для людей, что к этой сфере все относятся серьезно и что уголовное правосудие не может быть уделом только Следственного комитета или только Генеральной прокуратуры, или Верховного Суда Российской Федерации. Это сфера, в которой мы живем, и она затрагивает интересы любого, включая и Генерального прокурора, и Председателя Следственного комитета, как говорится, и Председателя Верховного Суда, и любого другого человека и гражданина, поскольку здесь мы все равны и едины перед законом и судом.

Ну и создать при комитете рабочую группу по мониторингу правоприменительной практики. Может быть, не при комитете. Конечно, было бы солиднее, если бы была такая рабочая группа как совместный проект Администрации Президента или при Президенте, или в составе любого ведомства. Разве не может это сделать Генеральная прокуратура? Но на межведомственной основе.

Верховный Суд... Вячеслав Михайлович все время отстаивает (и уважаю его за это) такую дистанцированность Верховного Суда к такого рода совместному участию. Это вполне, наверное, правильно. Это и закладывалось, чтобы сохранять эту независимость. Хотя, когда речь идет о реформировании и о выработке действительно правосудия, сферы уголовного правосудия, которая действует согласованно, где нет необоснованных репрессий, (вообще, репрессия, конечно, не может быть обоснованной) где нет репрессий, где нет необоснованного уголовного преследования и где нет попустительства, когда виновный легко уходит от ответственности... Я знаю таких примеров очень много применительно к определенной категории людей. Удивительная, кстати, и со стороны и следствия, и суда снисходительность к определенному рода категориям преступников, которые совершают сексуальные преступления в отношении детей. Эта тенденция тоже наблюдается. Так вот, чтобы не было снисходительности там, где ее не должно

быть, где действительно установлено, что человек совершил преступление, и в суде это обвинение полностью нашло подтверждение. И вот это совместное обсуждение, подведение итогов и единая формулировка того, как мы дальше будем двигаться и согласовывать наши позиции применительно к сфере уголовного правосудия, – это, конечно, был бы очень серьезный сигнал для нашего общества. Я думаю, россияне его очень серьезно поприветствовали бы.

Мы не предлагаем отказываться от совершенствования УПК (любой отказ от совершенствования – сразу жизнь становится мертвой, и закон тоже), но мы предлагаем отказаться от необоснованного совершенствования, от необоснованной замены одного закона другим. И это мы можем сделать, только если договоримся о принципах работы в этой сфере, о принципах взаимодействия.

Спасибо. И приглашаем к разговору открытому, независимому и беспристрастному, как должна действовать наша сфера уголовного правосудия. *(Аплодисменты.)*

Я предоставляю слово Кучерене Анатолию Григорьевичу, адвокату, члену Общественной палаты Российской Федерации, председателю Общественного совета при МВД Российской Федерации.

Приготовиться Ананьеву Владимиру Николаевичу.

Анатолий Григорьевич, только у Вас не более семи минут, если можно.

А.Г. КУЧЕРЕНА

Я постараюсь коротко.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Постарайтесь, пожалуйста, потому что у нас очень много выступающих.

А.Г. КУЧЕРЕНА

Добрый день, уважаемые участники! Прежде всего, я хотел бы, Елена Борисовна, Вас поблагодарить за то, что Вы все-таки нашли возможность нас собрать в этом зале, поскольку, я не скрою, мы с Вами периодически в кулуарах, где мы бываем на каких-то мероприятиях, всегда обсуждаем тему уголовно-правовой политики, потому что действительно тема важна и актуальна.

Вы действительно правильно сказали, что процесс – это технология. И за время моей практики я могу сказать, что те технологии, которые сегодня существуют, порой бывают достаточно иезуитскими, достаточно чудовищными и достаточно сложными для понимания человека, который далек вообще от юриспруденции и уголовно-правовой политики.

Я могу вам сказать, что в последнее время я, как председатель Общественного совета при МВД России, получаю огромный поток жалоб, и действительно этот градус сегодня поднялся. Был

какой-то период, когда действительно мы даже отчасти радовались тому, что вот чуть-чуть снизилось, вот идет ниже, ниже, ниже... Ничего подобного. Я вам могу сказать, что в какой-то степени даже иногда думаешь, когда анализируешь, не являясь участником по делу, а как профессиональный адвокат анализируешь те жалобы, те документы, которые поступают в мой адрес, и я вам честно скажу: иногда волосы дыбом становятся. И ты не понимаешь: вот человек, который ведет дело, который составляет документы, который получил высшее юридическое образование...

Иногда читаешь и не понимаешь, кто это делал и зачем те или иные тезисы, которые даже к здравому смыслу не имеют отношения, находятся в этих документах.

Я буквально вчера получил материалы. Вдумайтесь, обвинительное заключение, которое составляет (я специально даже выписал, чтобы не ошибиться) 19 965 страниц. Вот вдумайтесь. Если кто-то хочет, я вам готов отправить эти материалы. 19 965 страниц! Мы что делаем? Это какое правосудие? Это кто в состоянии?.. В течение какого периода времени судья, который принимает это дело к рассмотрению, должен прочитать?

РЕПЛИКА

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

А.Г. КУЧЕРЕНА

Я согласен, что судья не обязан, наверное, читать, я слышу Вашу реплику. Но, извините, а как принимать решение? Это же писалось, это же писал следователь. Я не знаю, если мы считаем, что это вполне нормально... Честно говоря, я не представляю, как физически с этим работать и что делать дальше. Когда я получил эти материалы, честно говоря, ужаснулся. Я еще попросил помощника: "Давай еще раз посмотрим, давай еще раз посчитаем". У нас еще и компьютер считает эти страницы. Поэтому здесь проблем достаточно много.

Конечно, я бываю за границей, конечно, я провел несколько дел не как участник, не как адвокат во Франции, в других странах, но я участвовал с моими коллегами и могу сказать, что, конечно, там масса проблем, в том числе что касается заключения по стражу, что касается содержания, что касается процедуры назначения дел. Там действительно полгода человек может находиться под стражей, и судья вправе на полгода перенести и вообще не возвращаться к этому делу. Конечно, это плохие примеры.

Но в то же время то, что у нас сегодня происходит... Я абсолютно согласен с Еленой Борисовной: давайте мы перестанем упражняться в том, кто быстрее добежит до трибуны в Государственной Думе, чтобы внести ту или иную поправку в действующее законодательство,

давайте с практиками поговорим, посмотрим. Я считаю, что действительно это должно быть отдельным законом либо как-то по той процедуре, о которой уже говорила Елена Борисовна, потому что действительно очень много изменений. Понятно, что жизнь не стоит на месте. Я в свое время даже говорил: давайте мы скажем себе "стоп", проведем инвентаризацию всего того, что уже произошло на протяжении этих лет, подумаем с учетом тех ошибок, проб, которые мы уже сделали, и выйдем на новый уровень.

Сегодня мы говорим: прокурор, следователь. Но, извините, пожалуйста, если мы в рамках Следственного комитета создаем процессуальный контроль, наверное, это неплохо, но мы же вернули опять... Все происходит в одном ведомстве. А прокуратура что? Вот мы читаем (сейчас я тоже получаю) в том числе и письма от прокуратуры. Прокурор ничего не может сделать. Да, он может обратиться, да он попытки какие-то делает. Но у нас, извините, давайте признаемся, то, что создано сегодня, – это достаточно серьезный репрессивный механизм, аппарат, репрессивный орган. И что мы хотим? Если мы считаем, что целями уголовно-правовой политики Российской Федерации являются обеспечение безопасности личности, ее прав и свобод, а также общества и государства от угроз, связанных с преступностью, и предупреждение преступлений, давайте подумаем о втором тезисе – минимизации уровня социальной напряженности в обществе путем законного и справедливого урегулирования конфликта, вызванного преступлением. Почему-то об этом мы не хотим думать. Почему у нас эти решения, которые принимаются?.. Мытарства людей по инстанциям – это, извините, социальная напряженность. И люди говорят: "Мы верим тому, что говорит наш Президент в посланиях, с больших трибун". А что происходит на практике?

Я являюсь преподавателем, заведующим кафедрой на протяжении многих лет в университете МГЮА имени О.Е. Кутафина. Студенты, которых я обучаю, говорят: "Все нормально, прекрасная теория, все. Как только мы выходим на практику, совершенно все по-другому".

Понимаю палочную систему, которая существует сегодня. Буквально недавно была кадровая комиссия по аттестации высших должностных лиц в системе правоохранительных органов. И что я обнаруживаю? Один из руководителей следственного органа в субъекте Российской Федерации пишет своим подчиненным, что каждый следователь должен отправлять в суд не менее двух дел.

Вдумайтесь, что это такое: количественные и качественные показатели. Это что-то! Это как так может быть? У нас что, плановая экономика в этой сфере? И масса других существенных, серьезных нарушений. Но если говорить...

Чтобы не повторяться, поскольку у меня время очень ограничено, Елена Борисовна, я бы просил: все-таки давайте подумаем, действительно нужна рабочая группа. Я не знаю, может быть, действительно при Государственной Думе... Не знаю. Давайте подумаем, потому что...

Е.Б. МИЗУЛИНА

В Государственной Думе нет специалистов...

А.Г. КУЧЕРЕНА

Давайте подумаем где. Я просил бы...

Е.Б. МИЗУЛИНА

...таких, которые взяли бы это сделать. На уровне аппаратов – наверное, да, надо чтобы кто-то...

А.Г. КУЧЕРЕНА

Мы проводили в свое время, у нас...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Не возглавлять, а там же писать надо, собирать.

А.Г. КУЧЕРЕНА

Я отправлю Вам... Мы проводили... Это только часть материалов. В рамках Общественной палаты мы получали ответы от судебных органов, от следственных органов, от прокуратуры на концепцию уголовно-правовой политики в Российской Федерации. Ряд ученых, которые занимались этими проблемами, здесь сидят. Мы готовы это отправить. Действительно, хороший труд, действительно, есть обеспокоенность, в том числе практиков, которые занимаются ежедневно этими проблемами. Давайте подумаем. Но то, что надо создавать рабочую группу... Я не знаю, может, при Президенте создать...

Е.Б. МИЗУЛИНА

При Президенте, конечно, это был бы идеальный вариант.

А.Г. КУЧЕРЕНА

Нам надо сегодня эту проблему решать, потому что социальная напряженность растет. И, поверьте мне, даже самые высококлассные специалисты в области юриспруденции, не важно, где они работают – в Следственном комитете, в суде, в адвокатуре... Но если мы сегодня не задумаемся о том, что наша главная задача – это объективно и беспристрастно рассматривать все те дела, которые поступают к адвокату, к следователю (не важно)...

И последний вопрос (я тороплюсь, потому что времени мало) – что касается возбуждения уголовного дела. Елена Борисовна, наверное, не соглашусь с тезисом, что, может быть, у нас

следователи из Следственного комитета отчасти являются следственными судьями. Не являются и не должны являться. Надо подумать... Стадия возбуждения уголовного дела... Тот пример, который я вам привел (19 965 страниц), – это такое мракобесие, это действительно не дает возможности моментально выйти... Как в других странах? Там нет стадии возбуждения уголовного дела, но там дается возможность полицейскому моментально выехать и собрать доказательства. А у нас что? У нас пока возбудили, пока согласовали и так далее, и так далее.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Но у них же нет возбуждения по факту, у них – в отношении лица...

А.Г. КУЧЕРЕНА

У них нет. Но давайте все-таки подумаем и посмотрим, это важный вопрос.

И последнее все-таки – примирение сторон. Вот на практике что происходит. У нас по закону не запрещено примирение сторон. Но попробуйте вы на практике, чтобы стороны, когда возмещен ущерб, договорились. Ничего подобного, это практически невозможно. Иногда мы уже сами... В Общественной палате иногда сам снимаю трубку, сам разговариваю: "Скажите, почему это дело идет в суд, когда люди договорились? Зачем опять тратить бюджетные деньги и так далее?" Просил бы тоже на это обратить внимание, в том числе экспертов, которые принимают участие в сегодняшних парламентских слушаниях.

Спасибо. Извините, торопился, потому что мало времени. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Анатолий Григорьевич.

По поводу межведомственной рабочей группы... Это то, что мы можем предложить в рамках парламентских слушаний. Применительно к Президенту... Вы понимаете, мы не можем так ставить вопрос.

А.Г. КУЧЕРЕНА

Давайте попросим.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Попробуйте. Вы – Общественная палата, у вас больше... Но в проект рекомендаций мы попробуем... обсудим, чтобы включить в наш проект рекомендаций.

А.Г. КУЧЕРЕНА

Да, Алексей Иванович? Мы же говорили об этом не один раз.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Давайте. Потому что на самом деле Совет по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте как создал предыдущий Президент, так и остается. Это действительно очень сильная структура, пройти мимо которой невозможно, мы в этом убеждались на поправках в Семейный кодекс. То есть любой, даже смежный, закон, Семейный кодекс, который затрагивает институты гражданского права, обязательно проходит там обсуждение. И они прямо как на страже стоят. А, к сожалению, применительно к Уголовно-процессуальному кодексу этого нет, хотя именно Владимир Владимирович, будучи Президентом в первый срок, фактически, скажу, благословлял и поддерживал.... не просто поддерживал, а разрабатывалась во главе с Дмитрием Николаевичем Козаком вся судебная реформа, включая процессуальную.

А.Г. КУЧЕРЕНА

Давайте попросим.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Хорошо, я записала в проект рекомендаций.

Я предоставляю слово Ананьеву Владимиру Николаевичу, председателю Ярославского областного суда, члену межведомственной рабочей группы по мониторингу. Причем он один из тех судей, которые вместе с нами работали, он не только очень здорово объясняет, но еще и пишет.

Приготовиться Мирзоеву Гасану Борисовичу.

Пожалуйста.

В.Н. АНАНЬЕВ

Спасибо большое за предоставленное слово. Я понимаю ограниченность времени, поэтому какого-то целостного выступления не будет, буквально несколько тезисов исходя из того, что я услышал (может быть, по одной минуте на тезис).

То, о чем говорил Анатолий Григорьевич. Да, погоня за цифрами. Вы вдумайтесь, на что направлена работа совершенно такого огромного правоохранительного механизма – большой судебной системы.

Эти цифры называл Вячеслав Михайлович Лебедев, Председатель Верховного Суда, на итоговом совещании председателей областных и краевых судов. В суды поступило около 1 миллиона уголовных дел – большая цифра (я приблизительно называю цифры), более 700 тысяч лиц осуждено, в отношении более 270 тысяч лиц дела в суде прекращены. Причем из числа лиц (более 700 тысяч), которые были осуждены, половина – это дела о преступлениях небольшой тяжести, а тяжкие и особо тяжкие преступления – всего лишь 45 тысяч. Спрашивается: а на что

направлена работа-то? Огромные аппараты, следственные органы, органы дознания... При этом тема коррупции в стране очень активно обсуждается. Чисто по такой классической статье, как статья 290 "Получение взятки", осуждено менее 2 тысяч лиц, а все остальное направлено... не знаю куда, на что направлено. Это первый момент.

Второй момент – в отношении источников уголовно-процессуального законодательства. Очень важная тема, как бы очевидная. Но что происходит? Конституция – без сомнения, источник, уголовно-процессуальный закон – без сомнения, источник, нормы международного права – без сомнения, источник. Но у нас есть еще один очень важный источник, который, судя по всему, перекрывает действие этих нормативных актов самой высшей силы, – это многочисленные решения Конституционного Суда. Ведь совершенно очевидно, что источником права решения Конституционного Суда являются только тогда, когда норма закона признается не соответствующей Конституции и прекращает свое действие на будущее. Но у нас ведь что сложилось? Мало того что при этом Конституционный Суд формулирует свою норму права... Это везде – и там, где есть постановление о признании нормы не соответствующей Конституции, и там, где норму признают соответствующей Конституции. *(Оживление в зале.)*

РЕПЛИКА

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

В.Н. АНАНЬЕВ

Да. Но это же не право Конституционного Суда. И дальше появляется запись: признать не соответствующей Конституции и следует поступать таким-то образом, или признать соответствующей Конституции, но при этом следует понимать таким-то образом.

Ведь дело доходит даже до большего, посмотрите. Есть очень много определений Конституционного Суда, которыми решается вопрос, как отказано в принятии обращения к рассмотрению. То есть говорит Конституционный Суд: оснований проверять норму на предмет соответствия Конституции нет, мы не рассматриваем обращение. Но при этом появляются записи в этом определении, что следует эту норму понимать так-то или следует действовать так-то. *(Оживление в зале.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Это подлежащие официальному...

В.Н. АНАНЬЕВ

Послушайте меня...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Они имеют обязательную силу.

В.Н. АНАНЬЕВ

Вот представьте себе: я судья, есть еще судьи, суд отказывает в принятии заявления к рассмотрению (неподведомственно дело суду или неподсудно, или еще что-то), но при этом говорит: А имеет право на это, а Б имеет право на это, и вообще следует действовать так-то.

Я к чему об этом говорю? Мне кажется, что все-таки эта проблема перезрела. Как-то и законодатели должны посмотреть на это, и ученые. Понимаете, при всем уважении, без сомнения, к Конституционному Суду и значимости его постановлений, когда нормы признаются не соответствующими Конституции, то, что в остальной части происходит, размывает законодательство и в конечном итоге приводит к злоупотреблению со стороны и участников того же уголовного судопроизводства. И норма есть, одни на нее ссылаются, а другие говорят: "Да нет, вообще-то есть и определение Конституционного Суда, где дается совершенно иное понимание". Это такая очень важная тема – тема в отношении источников уголовно-процессуального законодательства.

И в отношении, скажем, бессистемности внесения изменений в УПК. Самый последний, пожалуй, пример – это статья 281 УПК, условия, при которых допустимо оглашение показаний свидетеля в ходе судебного разбирательства, если он не явился. Какая терминология? Что можно огласить показания такого свидетеля, если он не явился, при условии, что обвиняемому была предоставлена возможность оспорить его показания на предварительном расследовании.

Это что за термин такой – "оспорить"? В какой процедуре оспорить? Если мы имеем в виду, что он должен знать, что есть такие показания, имеет право настаивать на проведении очной ставки, должен иметь право задать вопросы этому лицу, то это понятно. Но оспорить... В какой процедуре? А считается эта норма исполненной или нет, когда ему предъявляются все материалы для ознакомления оконченого расследованием дела и предполагается, что он его читал всё и видел эти показания, и не стал заявлять ходатайство о проведении очной ставки или о дополнении предварительного расследования? Исполнены эта обязанность и это право или нет?

И, может быть, еще один момент, совершенно самостоятельный тезис – в отношении следственных судей. Лично у меня эта тема вызывает очень большие сомнения. Мне представляется, что все-таки это ни на чем не основанная попытка механического переноса института судебных следователей в современные условия. Мы же понимаем, что такое были судебные следователи, потому что не было в принципе никакого следственного механизма и аппарата.

Когда выстроена худо-бедно правоохранительная система, существует судебная система, то как раз мне представляется, что эти, Елена Борисовна, принципиальные положения, которые есть в УПК, устанавливающие очень четкую границу допустимого предела вмешательства суда еще на досудебных стадиях, надо обязательно сохранять. Расширять это нельзя, уходить от этого нельзя. Ведь в чем кроется здесь опасность? Чем шире суд вторгается в ход предварительного расследования, тем больше он себя связывает с его итогами. А тогда на какой объективный и независимый суд мы хотим рассчитывать потом?

Е.Б. МИЗУЛИНА

Конечно.

В.Н. АНАНЬЕВ

Этого делать, мне представляется, нельзя.

Ну и самый последний тезис. В рекомендациях есть пункт 7 (я не знаю, может быть, это действительно имеет отношение к УПК) – это в отношении формирования судейского корпуса. Там записана буквально фраза (и она очень болезненна для судей на сегодняшний день) о том, что принципиальное значение при назначении кандидата на должность судьи приобретает его семейное положение. Я не знаю, откуда это идет. На сегодняшний день очень большая обеспокоенность в судейском корпусе, потому что, поверьте мне, очень серьезные и необоснованные барьеры поставлены на пути возможности доступа к судебной работе самых высококвалифицированных кандидатов на эти должности. Вы представьте, 523 кандидатам на судейские должности было отказано в минувшие годы.

А.Г. КУЧЕРЕНА

За один год.

В.Н. АНАНЬЕВ

За один год! Не 50 (50-то много) – 523! Их искали по всем регионам, искали не самых худших, кого знают, в кого верят, они сдали экзамены, они прошли квалификационные коллегии, и им отказали. Я не буду приводить примеры, почему отказали, причем, как правило, это...

А.Г. КУЧЕРЕНА

Можно я скажу? Я же знаю, почему отказали, я же в этой комиссии... По формальным обстоятельствам исключительно.

В.Н. АНАНЬЕВ

Да, да. Где есть компрометирующие основания...

А.Г. КУЧЕРЕНА

Потому что судьи должны разобраться в Кодексе судейской этики, в статье 9. Вот эта статья практически всех "рубит". Извините, пожалуйста, что я...

В.Н. АНАНЬЕВ

Анатолий Григорьевич, здесь ведь проблема-то в чем? Какая существует опасность на сегодняшний день? Судьи относятся к категории высших должностных лиц по реестру. Это конституционная должность, и все требования к судье могут быть сформулированы только на уровне Конституции и федерального закона.

А.Г. КУЧЕРЕНА

Согласен.

В.Н. АНАНЬЕВ

У нас нет там таких ограничений, которые применяет тот, кто решает где-то на уровне, очевидно, среднего аппарата, и используется совершенно ни на чем не основанное какое-то бытовое понятие конфликта интересов. Есть совершенно конкретное понятие конфликта интересов, данное в законе о коррупции, в законе о статусе судей, где ясно сказано, что под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность судьи повлияет на надлежащее исполнение. И дается разъяснение, что такое личная заинтересованность, – это тогда, когда при рассмотрении дела возникает возможность получения судьей либо его родственниками благ, преимуществ.

А.Г. КУЧЕРЕНА

Выгод.

В.Н. АНАНЬЕВ

Да. Процессуальные законы знают другое препятствие, другой легально существующий механизм, и по уставу, и во всем мире, – так называемые процессуальные запреты. В одном деле нельзя участвовать. Понимаете? А сказать, что это препятствие для доступа к профессии... Ну, тогда внесите изменение в закон, так и напишите. Но в законе о статусе судей изменения появляются очень часто, и Президент их вносит, и Дума вносит, но никто из них такого вопроса не ставит. Поэтому я думаю, что...

А.Г. КУЧЕРЕНА

Давайте... *(Говорят одновременно.)* В общем порядке готов поговорить.

В.Н. АНАНЬЕВ

Я думаю, Елена Борисовна, это из рекомендаций надо убрать, это ни на чем не основано.

Если очень коротко, тезисно, то все. Большое спасибо. Я думаю, что заслуживает, конечно, поддержки предложение о такой, так скажем, алгоритмичности работы по внесению изменений в УПК. Конечно, это хаотичный характер носить не может. Это совершенно очевидно. Спасибо большое за внимание. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Владимир Николаевич. Ваши замечания записали.

Слово предоставляется Мирзоеву Гасану Борисовичу, президенту Гильдии российских адвокатов.

Приготовиться Хакимову Рамилю Амировичу.

Г.Б. МИРЗОЕВ

Спасибо, Елена Борисовна.

Добрый день, уважаемые коллеги! Елена Борисовна, я очень хорошо помню, как в Госдуме третьего созыва Вы с таким же энтузиазмом бегали, всех убеждали, как лучше сделать Уголовно-процессуальный кодекс. Я тогда занимался больше законом об адвокатуре и, честно говоря, не лез. А сейчас, когда на практике... Вы сами знаете, сколько пришлось за эти годы переделать. И жизнь показала, что все, что мы хотели сделать как лучше, ну, не получилось, или, словами Черномырдина, получилось как всегда.

С одной стороны, мы, конечно, добились значительных успехов в организации судебной власти, правосудия, предварительного следствия. Конечно, мы не добились полной независимости суда и судей, потому что они по-прежнему зависимы от местной власти, от председателей судов. Они выносят решения, оглядываясь все время на что-то, очень редко по справедливости, а главное – чтобы не обвинили в коррупции и чтобы обвинительная власть была довольна.

Обвинительная организация правосудия присутствует, и никуда от нее не денешься. Односторонность, тенденциозность в органах предварительного следствия, осуществляемого как Следственным департаментом МВД Российской Федерации, так и Следственным комитетом. Я там являюсь членом экспертного совета, и в МВД тоже, вижу, анализирую, выступаю. Очень хорошую, здоровую позицию занимает Александр Иванович Бастрыкин.

Я, Алексей Иванович, поддерживаю Вас и считаю, что если правильно проанализировать мировую практику применения принципа объективной истины, то это означает в наших условиях как раз таки возврат к большей реальной справедливости, которая могла бы быть. Потому что сегодня ни у следователя, ни у судьи и ни у прокурора тем более, которого сейчас лишили всех его возможностей и прав ("государева ока", которым он был), установить, как было на самом деле

совершенно преступление, нет такой задачи. Наоборот, то, что соберет следователь, – с его точки зрения, это и есть понимание объективной истины для всех.

Я не случайно в Государственной Думе, в экспертном совете, как вы знаете, и когда мы обсуждали еще месяц-полтора назад, поддержал... Хотя мои коллеги из адвокатуры, коллегия-ученые говорят, что это будет возврат опять к тоталитаризму. Никакого тоталитаризма там даже и не наблюдается.

Но это мое личное мнение, Елена Борисовна. Я считаю, что как было указано в статье 19 Уголовно-процессуального кодекса 1960 года – лучше.

И еще. А теперь посмотрите, что на самом деле нам надо сделать. Во-первых, мне очень понравилось, Елена Борисовна, Вы сказали о том, что надо опять создать рабочую группу или какой-то орган, как по гражданскому праву. Ведь, если Вы помните, у нас в течение многих лет на основании указа Президента Путина (когда он был первый раз Президентом) был создан совет по совершенствованию правосудия при Президенте и он прекрасно работал, когда был жив мой друг и учитель Владимир Александрович Туманов. Как он умер, совет практически перестал собираться. И решения о его прикрытии до сих пор нет.

Я раза два с Ларисой Игоревной говорил. Надо перед ней поставить этот вопрос, потому что у нее и вообще у Администрации Президента твердое убеждение, что, дескать, Михаила Александровича – нашего друга и товарища – совет как бы заменяет эту вещь. Ничего подобного. Это общественная структура, это при Президенте наши демократы и правозащитники выражают свое мнение, дают рекомендации, а Совет при Президенте анализирует практику правоприменения и дает рекомендации законодателям на предмет именно совершенствования законодательства, тем более в такой тончайшей сфере, которой является в данном случае правосудие, конкретно – предварительное следствие.

Я несколько слов скажу и оставлю вам свое...

Понятно, что ключевой функцией адвоката в рамках уголовного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях является, конечно же, функция защиты. Адвокат (защитник) способствует нуждающимся лицам в реализации права... и так далее (статья 48).

Что мы сегодня видим? Адвокат реально не может в полной мере реализовать, вернее, осуществить предоставленное ему законом право на защиту его доверителя, являясь, именно как участник правосудия, по сути дела, одним из тех, на кого возложено также осуществление важнейшей государственной функции, коей является правосудие. Но набор тех средств, которыми

сегодня обладает адвокат, ни в какой мере не сопоставим с набором механизмов всей обвинительной системы правосудия и противостоять ей не может. Очень много наших доверителей порядочных, нормальных, не все же преступники – террористы, убийцы... Возьмем только хозяйственные преступления. Статья 159 – самая модная статья, по ней можно сегодня осудить кого угодно и за что угодно.

Не буду нарушать адвокатскую тайну. Я в прошлом месяце защищал всем нам хорошо известного товарища – Булгакова Александра Семеновича, директора Колонного зала Дома союзов, которого обвинили в том, что 900 тысяч с копейками просил оплатить ООО "Буфеты Дома союзов", которые задолжали Колонному залу Дома союзов. Она пошла и сказала, что это он вымогал для себя лично. И на этом основании его осудили к четырем годам лишения свободы в Тверском суде. Я прочитал письменное заключение экспертизы о полной его невиновности и так далее. Заказ мощнейший. А в чем?.. Выяснили: кто-то положил глаз даже на Колонный зал Дома союзов. Собственность, там, через профсоюз и так далее... И, чтобы каким-то образом завладеть, привлекли к уголовной ответственности. Буду выступать 27-го в городском суде по апелляции.

Но я что хочу сказать? У меня еще был заместитель – адвокат Марина Борисовна Русакова, нас в упор не слышали. Никаких механизмов, которые именно законным способом услышат защиту, нет. И поэтому блистательные адвокаты конца XIX – начала XX века как бы соловьем ни заливались в этом, нашем, суде, они бы тоже ничего не добились.

Поэтому, Елена Борисовна, у вас есть в этом смысле сегодня законодательная возможность. Я в Госдуму больше не собираюсь, но готов всей нашей командой – и академией адвокатуры, и нашей профессурой (и здесь есть другие мои коллеги, в академии правосудия очень мощные есть коллеги) – поработать в этом направлении и сделать нормальные законы.

Главные постулаты – судья должен быть независим; следователь не должен быть ни под какими погонами – ни МВД, ни ФСБ, ни ФСКН, которую, слава богу, вернули в мое родное ведомство – МВД.

И последнее. Все-таки надзор, то бишь "око государево", должен присутствовать. Я считаю, необходимо вернуть как минимум на круги своя прокурорский надзор. У меня все.
(Аплодисменты.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

Слово предоставляется Хакимову Рамилю Амировичу, заместителю председателя Комитета по государственному строительству, правопорядку и судебным вопросам Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан.

Приготовиться Татьяниной Ларисе Геннадьевне.

Р.А. ХАКИМОВ

Большое спасибо за предоставленное слово.

Пару слов о себе. Я работаю депутатом недавно. Я 36 лет работал в органах прокуратуры, из них 18 лет следователем, потом – следователем по особо важным делам и завершал карьеру уфимским городским прокурором, то есть прокурором города Уфы (оттуда избирался в парламент). Это чтобы было понятно мое отношение к данной проблеме. Я – практик в душе и прокурор.

Сегодня я слушал эти выступления, в большей части эта проблема – обвинения и защиты – заложена и в моем выступлении. Поэтому даже не буду перечитывать (я вам передам, конечно), но, как практик, основные моменты и то, что я вижу сегодня, хотел бы подчеркнуть. И, действительно, над этим надо поработать.

Во-первых, очень досадно, что убрали часть надзорных функций у прокуратуры. Будучи прокурором Уфы, я, допустим, мог писать указания только дознавателям, а следователям я должен был отправлять. И это существует до сих пор. Это вообще абсурд: органам дознания, значит, я могу писать в указании, что надо сделать по делу, а органам следствия не могу. Возвращаем следователю, поскольку надо дополнить, разрешить вопросы и так далее.

Второй момент. Поскольку я до глубины души прокурор и 18 лет, еще раз говорю, работал следователем, я очень высоко оцениваю роль защиты. Я боялся, когда расследовал уголовные дела, что мое дело, как говорят, рухнет в суде или оправдается... Поэтому я всячески, всеми фибрами разрешал все ходатайства защиты и всегда старался притянуть их к себе. И, работая с обвиняемым, я всегда говорил: "Возьми хорошего адвоката. Мы на досудебной стадии все вопросы решим". Зато, когда дело уходило в суд, я был совершенно спокоен: я все их ходатайства рассмотрел и знал, о чем они там будут говорить.

А что сейчас творится? Молодые следователи отвергают ходатайства адвокатов как не относящиеся к делу. Что за выражение "не относящиеся к делу"? Следователь, у которого еще молоко на губах не обсохло, решает от имени государства, относится это к делу или не относится. И выражения "доказательства обвинения" и "доказательства защиты", я считаю, очень условные и не совсем правильные. Не доказательства защиты и доказательства обвинения суд должен

исследовать, а устанавливая истину по делу, представленными обвинением и защитой... Вот как должно быть. Я думаю, господа судьи со мной согласятся, поскольку рассмотрение любого уголовного дела направлено на установление истины.

Далее. Очень легко отвергаются заявленные ходатайства защиты на досудебной стадии, когда расследуется уголовное дело (я сам писал указания участвовать помощнику прокурора в суде): "не относящиеся к делу", "не имеют значения для дела". А потом – масса уголовных дел, которые приходят на утверждение прокурору, ряд таких ходатайств на трех, пяти, десяти, бывает, печатных листах, и подробно – что нужно исследовать, что нужно проверить. На пол-листа следователь пишет постановление об отказе: получил такое-то ходатайство и решил, что это не относится к делу. Всё. Ну что это? Это нормально, что ли? Это вообще ненормально.

Я отправлял дела на дополнительное следствие из-за того, что ходатайства не рассмотрены. Очень обижаются, конечно, следователи, но я говорил: "Извините, я это проходил. Я не хочу подписывать обвинительное заключение, которое в суде рухнет, поскольку очень серьезное ходатайство, которым невозможно пренебречь".

Я постоянно по понедельникам смотрю передачи Караулова. Каждая вторая передача – про уголовные дела. Не было бы этих уголовных дел, если бы и ходатайства, и доводы защиты были проверены досконально и своевременно. Эти передачи "бьют по хвостам". Я, конечно, воспринимаю это совершенно профессионально, так сказать, но когда его слушаешь внимательно и смотришь фабулу дела, понимаешь: если бы своевременно все было проверено, то этих дел просто не было бы, то есть таких последствий не было бы. Люди годами сидят, а потом оказывается... Ну, представляли алиби, представляла ходатайства защита, но не проверили или отбросили их, просто тупо отбросили и все.

Но, учитывая время (я Ваш взгляд сразу понял), перейду к предложениям. Все это изложено, что надо поправить, предложения тоже, я зачитаю только пару слов, пользуясь тем, что судьи здесь. Вот УПК допускает допрос свидетелей, которых привел защитник, так? Возникает вопрос: а почему нельзя допросить свидетелей, которые не пришли, но адвокат заявляет о них? Ну, не может человек прийти или нет в данный момент его. Я вношу эту поправку тоже, поскольку это равносильно тому, что просто вы отказываете. То есть тех свидетелей, которых привели в суд, надо допросить, суд не вправе отказать, и тех, которые остались дома, но адвокат заявляет (ну, не нашел их, может, к данному моменту, бывают в жизни всякие коллизии), суд тоже обязан допросить.

Я предлагаю внести изменение в часть 3 статьи 86 УПК по поводу права защитников собирать доказательства, каким путем – не буду перечислять.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Рамиль Амирович, время.

Р.А. ХАКИМОВ

Я понял, понял. Также изменить редакции статей 159 и 271 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Учитывая время, извините... *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

Слово предоставляется Татьяниной Ларисе Геннадьевне, профессору кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета.

Приготовиться Ершову Валентину Валентиновичу.

Л.Г. ТАТЬЯНИНА

Позвольте поблагодарить за возможность выступить. Поскольку времени немного, я кратко, тезисами обозначу проблемы. Я с земли приехала, и все мои проблемы идут от земли.

Я затрону только досудебное производство. Хотелось бы обратить внимание на особенности участия суда в процессе досудебного производства. Все помнят: когда был ГПК РСФСР, суды рассматривали жалобы на действия и решения следователей, это относилось к производству, вытекающему из административно-правовых отношений, это было правосудие, это никто не оспаривал.

Почему сейчас, когда судьи рассматривают вопросы в порядке статьи 125, это рассматривается как судебный контроль, а не как правосудие? И вот здесь проблема в ходе досудебного производства заключается в том, что заявитель подает жалобу на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, суд указывает, что решение незаконное, необоснованное и он не может возбудить уголовное дело. Следователь еще две бумажки туда докладывает, снова выносит аналогичное решение. И, таким образом, это досудебное производство в стадии возбуждения уголовного дела осуществляется не в течение нескольких дней, оно осуществляется в течение нескольких месяцев и даже нескольких лет.

У нас есть конкретный пример (у нас их много): 12 раз суд принимал решение о том, что постановление незаконное, необоснованное, а на 13-й раз, когда следователь по новой вынес постановление об отказе, суд принял решение о злоупотреблении правом заявителя. Почему не следователя – непонятно.

Может быть, в статье 5 нужно четко прописать, что такое правосудие, что такое судебный контроль? Ведь если мы берем правила русского языка, то по правилам русского языка контроль осуществляется над нижестоящим органом. Вышестоящий суд осуществляет контроль над деятельностью нижестоящего органа. Еще Монтескье сказал, что суд осуществляет правосудие, когда разрешает какой-то конфликт.

И когда речь идет о статье 125 и даже о применении мер пресечения, там речь идет о разрешении конфликта между... Ну, когда меры пресечения – это сторона обвинения и сторона защиты, когда статья 125 – примерно то же самое, то есть это осуществление правосудия. И если уж суд принимает решение о том, что это решение незаконное, пусть тогда органы следствия возбуждают уголовное дело.

Посмотрите: проблема именно недоверия людей к правоохранительным органам связана с особенностями возбуждения уголовного дела. Разрешили проводить экспертизу. Конкретный пример. Экспертиза проводится в течение девяти месяцев в стадии возбуждения уголовного дела. Что делают следователи? Они направляют материалы по подследственности, а заявитель ищет, в какой следственный комитет, в какой РОВД и так далее их направили. И здесь он деться никуда не может. Ведь можно же в конце-то концов предусмотреть, что материалы направляются по подследственности только через прокуратуру, и, соответственно, установить жесткие сроки.

Вы знаете, я бывший следователь, и мне жалко денег налогоплательщиков. Когда речь идет о том, что нужно изобрести какой-то закон, связанный с деятельностью адвоката, реализацией его ходатайств, нужно в голову следователю, я не знаю, вбить, что ли, чтобы он понял, что адвокат – это правая рука следователя. Если следователь удовлетворяет ходатайство адвоката, он фактически... Ну, это я говорю условно. Он фактически...

С МЕСТА

Не любое.

Л.Г. ТАТЬЯНИНА

Имеется в виду обоснованное. Не любое, а обоснованное. *(Оживление в зале.)*

ИЗ ЗАЛА

(Говорит не в микрофон. Не слышно.) У нас есть уже "карманные" следователи.

Л.Г. ТАТЬЯНИНА

Нет, речь не идет о "карманных" следователях. Ну, возьмите... Если, например, адвокат заявляет ходатайство о проведении той же повторной экспертизы, он предоставляет заключение специалиста более высокого класса, чем эксперт. Следователь ему отказывает. И когда в суде

возникает вопрос о том, что вообще-то нужно его удовлетворить, тогда уже бессмысленно его удовлетворять, там ничего не сделать.

Возьмите ситуацию со сроками. Вы знаете, я клянусь, я считаю, что нужно вернуть те сроки, которые были в УПК РСФСР, и продлять только по делам об особо тяжких преступлениях на уровне региона. Все остальные, если вы идете... на три-четыре месяца через Россию, и тогда и Следственный комитет, и прокуратура, мягко говоря, смогут навести относительный порядок на местах. Потому что по-другому это сделать в принципе невозможно.

Более того, когда речь идет о реализации права обвиняемого и права потерпевшего... Вы знаете, последнее дело – 20 томов. Вы не поверите: девять томов – протоколы ознакомления с постановлениями и назначениями экспертиз. Посчитайте время. И самое главное, что ни в одном из этих протоколов не было заявлено никаких ходатайств. Сколько времени было на это потрачено!

Поскольку время ограничено, я буду завершать.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да, извините, пожалуйста... Если у Вас есть в письменном виде материалы, Вы можете их прислать. Хорошо?

Л.Г. ТАТЬЯНИНА

Хорошо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо Вам большое. *(Аплодисменты.)*

Слово предоставляется Ершову Валентину Валентиновичу, ректору Российского государственного университета правосудия.

Приготовиться Масленниковой Ларисе Николаевне.

В.В. ЕРШОВ

Спасибо, Елена Борисовна, за приглашение.

Я, послушав выступающих, несколько изменил тему своего выступления и хотел бы в целом рассказать о качестве права в нашей стране, в том числе о качестве уголовно-процессуального права, прежде всего о такой его форме, как кодексы. К сожалению, как мы все знаем, кодекс – это обычный, ординарный закон. Отсюда вся эта чехарда, о которой Вы справедливо говорили. Поэтому неоднократно уже предлагали, в том числе Вениамин Федорович Яковлев, советник Президента, чтобы кодексы принимались в форме ФКЗ. Тогда, наверное, будет гораздо труднее менять наши кодексы – обычные, ординарные законы. И предлагаю это обязательно записать в наши предложения. Это первое.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Хорошо.

В.В. ЕРШОВ

Второе. Сегодня, к сожалению, в большинстве наших кодексов написано, что кодексы имеют приоритет над другими законами, хотя это законы одного уровня, а в части кодексов этого не написано. Это порождает колоссальные противоречия в правоприменительной практике. Одна сторона говорит: ссылаемся на кодекс, другая – на закон. И что здесь соответствует праву – очень большой вопрос.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Уже Конституционный Суд сказал: последний по принятию. Уже отказался от этого.

В.В. ЕРШОВ

А вот и вопрос, это как раз и вопрос. Если кодекс – это кодифицированный закон, и если он будет ФЗ, то, наверное, все-таки должно указываться сразу наоборот, чтобы именно ФЗ – кодекс имел приоритет. Иначе зачем кодекс как кодифицированный акт? И если мы добьемся того, что кодекс будет ФЗ, тогда, наверное, тут никаких споров не будет. Это принципиально важный вопрос.

Далее. Во многих кодексах сегодня написано: кодекс имеет не только силу на будущее, но и обратную силу. Я этого не понимаю. И поэтому получается, что одна сторона говорит одно, ссылаясь на кодекс, другая сторона – другое, ссылаясь на закон, и все они говорят: закон. Но не может быть такого. По Конституции Российской Федерации закон имеет силу только на будущее. Но по кодексам нашим он имеет силу в том числе и на прошлые отношения. Это абсолютно непонятно. Это наши Гражданский кодекс, Жилищный кодекс, Трудовой кодекс, Семейный кодекс и так далее, массу таких примеров можно привести.

Более того, к сожалению, сегодня важнейший вопрос для судей (а наша главная категория слушателей – это судьи судов общей юрисдикции и арбитражных судов) – это вопрос права. Что такое право в этой стране? И здесь ответов очень часто нет. Почему? Потому что, во-первых, у нас нет закона о нормативных правовых актах, как вам известно. Еще в 1996 году законопроект был принят Госдумой в первом чтении, но до сих пор его нет, хотя он есть во многих других государствах. В Беларуси есть очень хороший закон о нормативных правовых актах и так далее.

Более того, сегодня, с моей точки зрения, закона только о нормативных правовых актах явно недостаточно, потому что имеются и другие формы права – национального, международного права и так далее. И это обычный, стандартный вопрос судьи: что применяем, что имеет

приоритет в случае пробелов, в случае коллизий? И в этом случае добиваться правового решения очень сложно. Поэтому, на мой взгляд (я это предложение уже неоднократно высказывал и хотел бы высказать его сегодня), нужно принимать закон о формах национального и международного права, реализующегося в нашей стране, и там очень точно расписать, что чему соответствует, что выше, что ниже и так далее.

Да, принят известный закон о международном праве, да, есть известное постановление Конституционного Суда, но еще есть и часть 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, и мы все тоже ее знаем. И здесь тоже надо разобраться о соотношении отдельных форм национального права, международного права, у нас есть порядок, и тогда решения судов будут правовыми. Тем самым мое главное предложение состоит в том, что нужно принять закон, может быть, даже в форме ФКЗ, о праве в Российской Федерации, и тогда судьи смогут принимать правовые решения.

Чтобы такой закон легче было принимать, вторая тема моего выступления (собственно, я именно об этом хотел сказать) – это вопрос о принципах российского права, в том числе принципах уголовно-процессуального права. К сожалению, в науке, в том числе в науке уголовно-процессуального права, вы хорошо знаете, есть очень много вещей, с которыми трудно согласиться. Я просто приведу некоторые примеры: принцип отдельных стадий (я не понимаю, что это такое), принцип нравственности уголовного судопроизводства, принцип концентрации процесса. Вот такие "принципы" у нас существуют якобы (в кавычках). И отсюда такие же учебники, по которым учатся студенты по всей стране. Отсюда, к сожалению, возникают вопросы и к нашему УПК. Глава 2 УПК Российской Федерации называется "Принципы уголовного судопроизводства". Но, на мой взгляд, нужно очень точно понимать, что есть разные принципы – принципы уголовного судопроизводства и принципы уголовно-процессуального права. И для судей (судьи применяют право) важны именно принципы уголовно-процессуального права. Это первое.

Второе. Статья 6 называется "Назначение уголовного судопроизводства". Не очень понятно, почему она находится в главе "Принципы уголовного судопроизводства". И эта статья 6 УПК Российской Федерации, на мой взгляд, не определяет правовую природу принципов. Что такое принципы? Идеи, начала. Но судьи идеями и началами руководствоваться не могут, судьи должны руководствоваться правом, потому что любое решение должно быть правовым. И это принципиально важный вопрос.

Далее. В главе 2 есть знаменитый принцип – законность при производстве по уголовному делу (статья 7). Но всегда возникает вопрос: а судебный акт должен быть только законным? Очевидно, что нет, потому что Конституция Российской Федерации – это не закон, это не основной закон, как многие говорят, Конституция Российской Федерации – это вид нормативного правового акта. Закон – только вид нормативного акта, который принимает Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Более того, в статье 7 УПК Российской Федерации, где говорится о законности, говорится только о том, как должен судья поступать в случае, если имеется противоречие между законом и кодексом, и более ни о чем. А есть и другие противоречия. А с Конституцией? А с международными договорами, нами ратифицированными? И так далее.

Поэтому, на мой взгляд, при всем моем уважении к закону (конечно, мы должны все законы уважать), решение суда должно быть правовым, то есть соответствовать всем принципам и нормам права, которые находятся во всех формах права – национального и международного. И это принципиально важный вопрос.

Следующий "принцип" (в кавычках) мне кажется спорным – это (уже говорили сегодня о нем) принцип презумпции невиновности. С моей точки зрения, это обычная, стандартная дискуссия, когда многие наши научные работники, я думаю, дискуссионно не разграничивают принципы права, дискуссии, аксиомы и так далее. Это разные правовые явления, с моей точки зрения. Я не против презумпции невиновности, безусловно, но это не принцип права. Принцип права, с моей точки зрения, – это элемент системы права, это регулятор. Главный критерий – это принцип права либо не принцип. Если это регулятор общественных отношений, то это принцип права, если он не регулирует общественные отношения, то это не принцип права. А презумпции, да, должны быть, в том числе презумпция невиновности, в том числе в УПК и далее. Но это не принцип права.

Сегодня стал модным еще один "принцип", его Европейский суд по правам человека нам ввел (в кавычках "принцип", на мой взгляд), – принцип правовой определенности. Все вы знаете, все читаете судебные акты, Европейский суд неоднократно в своих постановлениях говорил, как он считает, о принципе правовой определенности. С моей точки зрения, спорно это относить именно к принципам. Это первое.

Второе. На мой взгляд, и более корректно с точки зрения философии, это термин не "правовая определенность", а определенность чего-либо, в том числе определенность права, в том числе уголовно-процессуального права. И определенность права – это качество права. Поэтому

(возвращаясь к своему первому предложению), если мы разработаем (а мы готовы этим заниматься) и примем ФКЗ о формах национального и международного права, реализующегося в России, право будет определенным, будет понятно, что право – это не только норма права, но и принципы права как регуляторы правоотношений, будет определено соотношение принципов права и норм права в каждой форме права. Тогда точно судье будет понятно, в том числе нашему уважаемому председателю Ярославского областного суда, что делать в данном конкретном деле, что имеет приоритет в этом случае и так далее. И это тоже большой вопрос.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Время, Валентин Валентинович.

В.В. ЕРШОВ

Да. И последнее. А сегодня очень часто судья говорит: "Есть пробел в законе. В иске отказать". На самом деле пробел может быть только в праве, а если пробел в законе, то нужно искать ответы в иных формах права – национального, международного. И мой ответ на этот вопрос следующий: это не пробел в праве, это пробел мнимый, и решение могло быть вообще другое. И получается здесь совершенно другая правовая конструкция.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Суда.

В.В. ЕРШОВ

Спасибо. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо. Вы затронули очень спорные темы. Я могу Вам сказать: мы не можем в уголовно-процессуальном законе, как и в любом другом, писать об уголовно-процессуальном праве или о праве в целом, потому что право гораздо шире, чем закон – это и правоприменительная практика, это и совесть как часть или как один из критериев, которым руководствуется судья по нашему закону (и следователь, и прокурор), когда выносит соответствующее процессуальное решение. Поэтому мы в статье 5 уголовно-процессуального закона (это кодекс, который направлен на регулирование уголовного судопроизводства) четко дали определение, что такое уголовное судопроизводство, и определили, что это включает досудебное производство и судебное производство, ничего другого. То есть это фактически механизм расследования и судебного разбирательства конкретного уголовного дела. Вот что обнимает собой уголовно-процессуальный закон. Термин "право" мы даже не можем тут использовать. А про принципы...

Вы знаете, я вам могу сказать, у нас был большой спор (Лариса Николаевна, наверное, помнит). Я сторонник того, что не надо в законе ни про какие принципы писать. Правда, сейчас изменила позицию о том, что если это закон совместного ведения, например, как было в советское время, основы... У нас, к сожалению, нет такого вида нормативного правового акта, а он нужен, потому что по Конституции-то у нас есть законы совместного ведения. И федеральный законодатель, когда такого рода законы принимает, должен формулировать в этих законах принципы, чтобы региональному было понятно, из каких единых критериев принимать и конкретный закон. УПК – это вообще-то исключительно федеральное ведение. Механизм расследования и разбирательства уголовных дел должен быть единым на всей территории. И я была противником принципов, но я согласилась с коллегами, это компромиссный вариант, мы их все-таки записали, чтобы было некоторое представление хотя бы о том, из чего мы исходили. О принципах надо писать в пояснительной записке к законам тем, кто их формулирует, ученым, которые доказывают, что на основе таких принципов должен быть построен закон.

А ведь правоприменитель, по большому счету, все-таки конкретные нормы применяет, основывается на решениях Верховного Суда, постановлениях Пленума Верховного Суда, который дает эти разъяснения, на собственном опыте и многом другом. А сам по себе принцип – действительно это некоторая идея, его трудно схватить в законе. Мы попытались сделать его поближе к норме права (вот наши принципы здесь), но это не идеальная конструкция, здесь я с Вами соглашусь. И, более того, мне очевидно, что если и дополнять эту главу, то надо дополнять еще новыми принципами – и принципом соразмерности наказания, и принципом правовой определенности (может быть, надо, но это, скорее, все-таки к правовой норме, я тут с Вами соглашусь, не для закона отдельно). То есть появились новые принципы, которые важны. Может быть, их надо писать в закон, но это вопрос для обсуждения.

В любом случае Вы ставите вопросы очень системно, и я разделяю Вашу точку зрения о том, что нужен закон и о нормативных правовых актах, и о порядке принятия законов. Обязательно.

В.В. ЕРШОВ

Я прошу еще одну минуту.

Я доктор наук по теории права, поэтому я говорил не только применительно к УПК, а к любому кодексу и вообще к праву в целом. И даже применительно к УПК, вы прекрасно знаете, и мы все знаем, что есть принцип состязательности в Конституции. Правда?

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да. И в УПК тоже.

В.В. ЕРШОВ

Да. И на основе этого принципа написан целый ряд норм и в УПК, и в ГПК, и так далее. Вот соотношение: принцип – норма. Поэтому принципы должны быть. Они определяют не только... не только регулируют отношения...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Я не уверена, что в законе. Кроме закона совместного ведения, там точно должны быть. А вот закон исключительного ведения Российской Федерации насколько важен для судьи? Может быть, важен. Норма-принцип может быть. Я как бы более мягко сказала, нежели тогда, когда писали этот закон. Тогда я была категорически против, но согласилась с группой. А сейчас я более мягко отношусь, потому что все-таки когда судья принимает конкретное решение (и следовательно), ему всё важно. Ему важны в том числе идея и норма-принцип. Поэтому, наверное, Вы правы здесь. Я не оспариваю и не ставлю вопрос...

В.В. ЕРШОВ

Если можно, я внесу еще одно предложение.

На самом деле, с моей точки зрения, есть две важнейшие формы принципов. Они действительно существуют объективно. Они тем хороши, что они объективные. Это первое.

Второе. Есть две принципиально важные функции. Первое – это регулятор общественных отношений. И второе – это "дорожная карта" для законодателей, чтобы законодатель не придумывал что-то (то, о чем Вы справедливо говорили). "Дорожная карта" – это путь: идем в эту сторону, а в эту сторону не идем. Вот это принцип права. Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Хорошо. Спасибо. Очень точно.

Лариса Николаевна Масленникова, профессор кафедры уголовно-процессуального права МГЮА, член межведомственной рабочей группы по мониторингу.

Приготовиться Куровской Людмиле Николаевне.

Л.Н. МАСЛЕННИКОВА

Уважаемые участники парламентских слушаний! Как профессору, мне сложно удержаться от дискуссии о назначении, принципах, содержании уголовно-процессуального права. Но я не могу себе этого позволить. Я хотела бы обратить внимание только лишь на два вопроса досудебного производства.

Елена Борисовна Мизулина очень красочно, с воодушевлением нарисовала ту картину, в которой мы работали. Это действительно было так. Мы верили, что мы на правильном пути, и мы верили, что получится. Но уже в первые годы мониторинга было ясно, что есть активное противодействие со стороны государственной власти, которая сначала не хотела воспринимать некоторые новые моменты, а затем просто демонстрировала то, что не справляется. И вот то, что государственная власть не справлялась с поставленными задачами, в конечном итоге выразилось в том, что за 15 лет в Уголовно-процессуальный кодекс не просто было внесено такое огромное количество изменений, вопрос ведь не в этом, а вопрос в том, что эти изменения не были внесены во благо наших граждан, во благо правосудия, во благо достижения целей и результатов, к которым должна стремиться правовая... За исключением некоторых норм...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Там есть ряд...

Л.Н. МАСЛЕННИКОВА

Есть, но я имею в виду то, что произошло в целом.

Я не могу себе позволить говорить обо всем уголовном судопроизводстве, скажу только о двух моментах досудебного производства.

Первая серьезнейшая проблема, о которой здесь уже говорили, и я не буду подробно об этом говорить, – это отсутствие прокурорского надзора за деятельностью следователей. Все мы знаем причины (или догадываемся, или понимаем). Но абсурдно то, что прокурор, который обеспечивает законность производства, защищает публичный интерес, имеет правовые возможности защиты этого публичного интереса при производстве дознания и не имеет – при производстве предварительного следствия. Абсурдно то, что прокурор имеет правовые средства выявить нарушения закона, но не имеет правовых средств дать указание об устранении этих нарушений.

Буквально на днях в нашем университете под моим научным руководством была защищена кандидатская диссертация, посвященная надзору прокурора за следствием и дознанием. Полностью, Елена Борисовна, сформирован пакет законодательных предложений, направленный на то, чтобы устранить вот эти ничем не обоснованные недостатки законодательных изменений. И мы готовы предоставить и обоснование, и полный пакет законодательных предложений.

И вторая проблема, которая очень серьезна. Она настолько серьезна, что мы порой ее пытаемся завуалировать некоторыми нашими теоретическими измышлениями, даже некоторыми отдельными законодательными предложениями. Суть этой проблемы заключается в том, что

современное досудебное производство в его начальной стадии, именуемой "возбуждение уголовного дела", создало ввиду внесенных изменений серьезные препятствия для граждан России для доступа к правосудию. Это первое.

Второе. Та система законодательных изменений, которую я называю квазиразследованием, когда вовне процессуального режима можно практически длительное время проводить расследование вовне какой-то процессуальной процедуры, по сути, направлена...

Елена Борисовна, Вы помните, как мы боролись с тем, что уголовный процесс – это не средство борьбы с преступностью. А теперь у нас получается, что уголовный процесс – это средство укрытия преступлений, потому что эти нормы использованы для того, чтобы сокрыть преступления.

Каким образом это происходит? Сообщения, которые получает руководитель органа дознания, расфасовываются по различным указанным в законе органам – следователю, дознавателю. Но большая их часть уходит к участковым и оперуполномоченным. Их деятельность там, где нет лиц, о которых известно как о лицах, причастных к преступлению, направлена на то, чтобы путем создания отказных материалов (вот как нам говорят практики, и вчера у нас в академии, в ученом совете помощник Министра внутренних дел успешно защитил кандидатскую диссертацию по этому вопросу), по сути, обосновать, что у них есть право отказать в возбуждении уголовного дела.

Я заканчиваю. Поэтому я выступаю с предложением, которое поддерживают многие теоретики и практики, – что из стадии возбуждения уголовного дела нужно устранить, убрать нормы, позволяющие вовне процессуального режима из различных источников получать информацию, которая, по сути, не имеет никакого доказательственного значения в дальнейшем для расследования, а злоупотреблять властью позволяет. Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Лариса Николаевна. *(Аплодисменты.)*

Но эта проблема нам досталась как раз из старого процесса — сокрытие заявлений и сообщений о преступлениях. И фактически, получается, мы ее не решили. Спасибо.

Слово предоставляется Куровской Людмиле Николаевне, начальнику Управления методико-аналитического обеспечения надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельностью Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Приготовиться Зотову Денису Валентиновичу.

Л.Н. КУРОВСКАЯ

Уважаемые участники парламентских слушаний! Безусловно, нельзя не отметить актуальность заявленной темы. И в равной степени нельзя отрицать того, что принятый Уголовно-процессуальный кодекс, безусловно, содержал позитивные идеи. Но то, что происходит сегодня на практике с ним, не поддается даже никакой критике.

И надо отметить, что сегодня законодатель, вместо того чтобы сконцентрировать усилия на выстраивании взаимосвязанной системы законодательного урегулирования, подтвержденной криминологическими исследованиями о состоянии преступности, ее причинах, деятельностью правосудия, другими правовыми аспектами, создал условия для внесения в действующее законодательство бессистемных, нередко концептуально противоположных поправок. Указанное привело к деформации действующих законов, в том числе, конечно, и уголовно-процессуального закона.

Я отвлекусь и скажу: когда мы сегодня говорим о том, что бессистемные поправки вносятся в Уголовно-процессуальный кодекс, больше всего даже волнует то, что такие же бессистемные поправки вносятся в Уголовный кодекс. Обратите внимание, сегодня говорили о том, что обвинительное заключение составлено на 19 тысячах листов! Это, конечно, безобразие. Но, с другой стороны, посмотрите на те диспозиции в Уголовном кодексе, их же невозможно даже прочитать, а уж тем более не понятно, что там нужно расследовать. Поэтому и появляются такие новации, как 19 тысяч листов обвинительного заключения.

Поэтому (пока я не перешла к прокурорским полномочиям) хочу сказать: целиком и полностью поддерживаю те рекомендации, которые связаны с тем, что нужно ограничить внесение поправок в действующее законодательство.

А теперь что касается все-таки главной темы, которая наиболее нас волнует (я имею в виду прокурорский корпус), – это умаление роли прокуроров на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Только за последний год прокурорами выявлено на этой стадии более 3 миллионов нарушений. Они сопряжены в том числе и с нарушением права на неприкосновенность личности, и с нарушением права на доступ к правосудию, в том числе в разумный срок. Можно и дальше продолжить их перечисление. Но, я думаю, главное, что я сегодня услышала, – и разработчики этого кодекса все-таки пришли к выводу о том, что умаление этой функции, роли прокурора в уголовном процессе ничего позитивного не внесло.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Но мы не умаляли. Вы извините, у нас этого не было.

Л.Н. КУРОВСКАЯ

А я вам сейчас скажу... А как же эти поправки, которые в последующем были внесены, в том числе связанные с тем, что прокурор стал отменять постановления о прекращении дела, об отказе в возбуждении? Ведь ничего этого первоначально в кодексе не было.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Нет, не было, мы про это и говорим. Не мы авторы этих поправок.

Л.Н. КУРОВСКАЯ

Не было. Тогда я...

Е.Б. МИЗУЛИНА

2001 год у меня перед глазами. Пока мы мониторили до 2004 года... Возбуждение уголовного дела... Сам Устинов правил редакцию – возбуждение уголовного дела прокурором. Поэтому нет, этого не было.

Л.Н. КУРОВСКАЯ

Ну что же? Отрадно и то, что все-таки сегодня прозвучало от многих, что все-таки нужно...

Е.Б. МИЗУЛИНА

У нас прокурор возглавлял сторону обвинения. Это абсурдно, это не наша поправка. Это же в 2007 году поправки были внесены.

Л.Н. КУРОВСКАЯ

По содержанию процессуальной деятельности прокурор уполномочен от имени государства осуществлять преследование в ходе уголовного судопроизводства. С этим связана его обязанность требовать от органов предварительного расследования устранения выявленных нарушений. Однако законодатель не обеспечил исполнение таких решений в оперативной форме, что позволяет руководителям следственных органов их не выполнять. Такая беспомощность прокурора вызывает необходимость многократного внесения им требований об устранении одних и тех же нарушений федерального законодательства, причем без гарантии надлежащего реагирования на них, что отрицательно сказывается на обеспечении права граждан на доступ к правосудию, в том числе в разумный срок. Складывающаяся ситуация не только не соотносится с государственно-властным характером предоставленных ему полномочий, но и, что особенно важно, умаляет государственную важность выполняемых прокурором функций.

Мы многократно обращали внимание на существующий дисбаланс между значением прокурорского надзора, призванного обеспечить в ходе уголовного преследования соблюдение

таких основополагающих принципов гражданского общества, как право на свободу и личную неприкосновенность и так далее. Между тем ситуация усугубляется принятием новых ограничивающих полномочия законов, таких как примечание к статье 17.7 КоАП, исключающее возможность привлечения должностных лиц органов предварительного следствия к административной ответственности за неисполнение законных требований прокурора.

Не могу не отметить и то, что разграничение процессуальных функций не привело к процессуальной самостоятельности следователя, о которой так беспокоился законодатель, поскольку прежние полномочия, которые были у прокурора, перешли к руководителю следственного органа, который зачастую не спешит исключительно из ведомственных интересов устранять допускаемые нарушения.

Я бы привела пример о том, что сегодня прокурор, допустим, отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, и количество отмененных им постановлений составляет 14 процентов, а руководителей следственных органов – только 5 процентов.

Поэтому представляется, что исполнение такого процессуального акта, как требование прокурора, не должно быть отдано на усмотрение следственного органа, а с учетом его назначения он должен носить императивный характер. Только при соблюдении такого условия можно вести речь о создании полноценного механизма для реализации правозащитной функции прокурора.

Полагаем, что следует пересмотреть порядок возбуждения уголовных дел в отношении специального субъекта. Мы здесь уже говорили о том, что нужно вернуть эти полномочия. Надо сказать, что и предыдущий опыт, и зарубежный опыт свидетельствует о том, что такая практика есть и она ничему не противоречит: не противоречит и тем принципам, которые приняты (принципы, где говорится о том, что прокурор, обеспечивающий уголовное преследование, в том числе вправе возбуждать уголовное дело)...

Мы соответствующие законопроекты уже готовили, но пока они не получили соответствующего разрешения. Я не буду останавливаться на этом вопросе, поскольку об этом уже сказали другие участники.

В настоящее время прокурор не вправе возбуждать уголовное дело, когда он сам выявляет нарушение в ходе так называемых общенадзорных проверок. Но надо же иметь в виду, что иногда к участию в общенадзорных проверках привлекаются в том числе Счетная палата, Минфин, собирается огромная куча материалов, которые надо проанализировать. Следователь не всегда в состоянии в тот срок, который ему отведен, их правильно оценить. Это приводит к тому, что зачастую мы не получаем адекватного решения. И когда прокурор инициирует рассмотрение

вопроса о возбуждении уголовного дела при наличии очевидных признаков преступления, мы получаем обратную ситуацию, где нам отказывают в возбуждении уголовного дела. Полагаем, что эта практика также должна быть принята во внимание и прокурор должен быть наделен полномочием, в том числе по тем проверкам, которые он проводит и выявляет признаки преступления, возбуждать (я не говорю "расследовать") уголовные дела.

Не доведены до логического завершения и полномочия прокурора по осуществлению надзора за соблюдением разумных сроков в ходе досудебного производства. Казалось бы, исполнили рекомендации европейского сообщества и ввели в УПК в качестве основополагающего принципа принцип разумного срока уголовного судопроизводства, только вот забыли заложить реальный механизм его обеспечения. Поэтому нередко уголовные дела, не представляющие никакой сложности в расследовании, расследуются годами, а в последующем становятся предметом рассмотрения их в Европейском суде.

Я для справки скажу: 34 процента уголовных дел расследовано с превышением срока, предусмотренного уголовно-процессуальным законом. При этом статьями 123 и 124 прокурору предоставлено право рассматривать жалобу участников процесса, а также иных лиц, интересы которых затрагиваются в связи с несоблюдением разумных сроков, и указывать органу, проводящему расследование, какие он должен выполнить процессуальные действия, а также сроки их осуществления. Законодатель не только не закрепил это право в статье 37, определяющей основные полномочия прокурора, но и оставил за рамками процессуальных полномочий прокурора возможность знакомиться со всем объемом расследуемого дела, без чего невозможно оценить соблюдение разумности сроков, затраченных на исполнение.

Более того, безосновательно не предусмотрено даже направление прокурору копий о продлении процессуальных сроков. Как известно, лишь при поступлении уголовного дела с обвинительным заключением прокурор может оценить, что на самом деле происходило с делом, и фактически прийти к выводу, нарушено ли право на доступ к правосудию. В таких условиях обеспечить своевременное выявление и пресечение нарушений права участников уголовного правосудия на доступ к правосудию в разумные сроки весьма проблематично. Полагаем, что эта ошибка должна быть исправлена и прокурор, отвечающий за законность уголовного преследования, должен быть наделен правом знакомиться со всеми материалами уголовного дела, а не выборочно.

Существенным пробелом в уголовно-процессуальном законодательстве, оказывающим крайне негативное влияние на обеспечение законности средствами прокурорского надзора,

является непредоставление прокурору права принимать решение о прекращении уголовного дела на стадии утверждения обвинительного заключения. Вот посмотрите, какая коллизия получается. Когда к прокурору поступает уголовное дело с обвинительным заключением, он имеет право либо вернуть его на следствие. При каких обстоятельствах? Только тогда, когда не установлен факт события преступления, виновности и причастности к преступлению, а также в случае, когда не соблюдены условия, предусмотренные статьей 73, или направить в суд. И в том случае, когда совершенно очевидно, что в действиях лица нет состава преступления, почему бы прокурору не предоставить такое право, как прекратить уголовное дело самостоятельно? Это необходимо и с целью процессуальной экономии, это позволило бы в более короткие сроки восстановить нарушенные права граждан. Поэтому полагаем, что такие поправки должны быть внесены.

Необходимо...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Время, Людмила Николаевна.

Л.Н. КУРОВСКАЯ

Да, я сейчас закончу.

Это касается еще трех моментов. Это касается того, что надо прокурору все-таки вернуть право дачи им согласия на принятие таких важных мер пресечения, как домашний арест, заключение под стражу. Сегодня возникает какая коллизия? Выходит следователь с таким ходатайством в суд, однако прокурору, как известно, выдается только тот объем материалов уголовного дела, который следователь считает нужным показать. И зачастую, находясь на одной стороне, то есть на стороне обвинения, суд сталкивается с тем, что два противоположных мнения – у прокурора и у следователя.

Вы вспомните старые времена. Как бы мы ни критиковали УПК РСФСР, но в нем было заложено очень много разумных идей. Раньше прокурор, прежде чем дать санкцию на арест (сегодня это делает суд), особенно это касалось несовершеннолетних, сам встречался, сам допрашивал, он убеждался, что именно такая мера, одна из самых суровых, необходима и никакой другой. Поэтому мы полагаем, что этот дисбаланс должен быть все-таки устранен и эта проблема решена законодательно.

Еще один момент. Это касается передачи дел по подследственности. Мы в последнее время ведем мониторинг и обратили внимание, что очень часто скрываются сообщения от учета, и таким образом, что передают следователи от одного органа к другому сообщения о преступлениях без регистрации. Только в этом году мы обнаружили таких сообщений более 1000, причем такая

же практика была и в прошлом году. Нам представляется, необходимо, чтобы передача дел по подследственности все-таки проходила через прокурора, чтобы прокурор все-таки давал согласие на передачу. Возможно, это будет устранено.

И последнее. Мне кажется, что сами новеллы, которые заложены сегодня, даже в той редакции, в которой они были приняты первоначально, особенно в статье 37, нуждаются в корректировке. Посмотрите, какие споры не сняты до сего времени. Мы направляем требования в ходе нарушения учетно-регистрационной дисциплины. Особенно для Следственного комитета это характерно. Совсем недавно пришло письмо, и нам говорят: "Слушайте, да у вас нет таких полномочий! Ваши полномочия распространяются только тогда, когда возбуждено уголовное дело". Читаем, часть вторая статьи 37: по уголовному делу прокурор уполномочен проверять учетно-регистрационную дисциплину (я уже сокращаю, чтобы успеть) и выносить постановление только в ходе производства дознания и предварительного следствия. Безусловно, мы там нашли... Конечно, если системно толковать статью 39, то понятно, что тут речь идет в том числе и о доследственной проверке. Но нормы нужно писать так, чтобы они воспринимались однозначно, а не так, чтобы каждый создавал свою практику в силу того, что есть такая неопределенность.

Мы надеемся, что наши предложения будут приняты во внимание и все-таки прокурорские полномочия будут восстановлены хотя бы в том объеме, в котором они сейчас заявлены.

Что касается рекомендаций... Безусловно, те рекомендации, Елена Борисовна, которые Вами были озвучены, мне кажется, мы целиком и полностью должны поддержать. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Людмила Николаевна. Извините меня за жесткость, но я человек прямой, и я Вам скажу: мне жаль, что Вы знаете текст УПК до 2007 года хуже, чем после поправок 2007 года. В кодексе мы специально... у нас не было никаких статей... начальник Следственного комитета или органа следствия, начальник органа дознания... Был гигантский спор в части процессуальной самостоятельности следователя. Он должен быть достаточно независимым от начальника органа дознания. Мы не вводили начальников как участников уголовного судопроизводства, появилось все в 2007 году, тот закон, с которым мы абсолютно не согласны. Поэтому очень жаль, что Вы в свое время...

Л.Н. КУРОВСКАЯ

Елена Борисовна...

Е.Б. МИЗУЛИНА

И прекращать уголовные дела, которые поступили с обвинительным заключением, мог прокурор до 2007 года. Поэтому это ошибочно. Сегодня здесь практически все признают, что в 2007 году пролоббировано это существенное ограничение прокурора, и он остался, возглавляя всю сторону обвинения!

И вот Вы даже выступаете сегодня... Я Вам скажу, что мне просто даже неловко от того, что мы поставили прокурора в ситуацию, когда он, чтобы возбудить уголовное дело по результатам своей проверки, должен бежать следователю доказывать. Это абсурд! Это поставлено действительно с ног на голову. Это безобразная ситуация. Ее надо исправлять. Здесь мы с Вами согласны.

Но еще раз обращаю внимание: до 2007 года не было никаких начальников. Потому что мы прекрасно понимаем, что начальник органа дознания, начальник органа следствия – это еще и административные фигуры. Поэтому если даже и предоставлять им процессуальные полномочия, если бы нам пришлось это делать в свое время, то был бы очень ограниченный круг – именно там, где без этого обойтись невозможно. Ну а когда есть прокурор, зачем вообще их вводить? Потому и не было этих участников.

Поэтому я хочу обратить Ваше внимание, чтобы Вы были тоже справедливы по отношению к реформе, которая была начата в 2007 году.

Л.Н. КУРОВСКАЯ

Елена Борисовна, я начала свое выступление с того, что позитивные идеи в том кодексе, который был принят, безусловно, есть. И я не различала 2007 год или какой-то другой.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Хорошо. Людмила Николаевна, спасибо. Вы привели очень интересные данные и цифры. Если у Вас есть текст выступления, дайте нам, пожалуйста. Спасибо.

Здесь, Вы видите, Вас поддерживают. Люди собрались разные, но тем не менее все считают, что очень плохо, что прокуратура фактически отстранена от надзора.

Зотов Денис Валентинович, заведующий кафедрой организации судебной власти и правоохранительной деятельности Воронежского государственного университета. Пожалуйста.

Приготовится Качаловой Оксане Валентиновне.

Д.В. ЗОТОВ

Глубокоуважаемые участники парламентских слушаний! Я постараюсь уложиться в три минуты. Но все-таки, поскольку год юбилейный, действительно 15 лет Уголовно-процессуальному кодексу, начну с хорошего.

Елена Борисовна Мизулина в своих выступлениях неоднократно говорила о том, что любой текст закона, который выходит из парламента, не имеет авторства. Думаю, что все процессуалисты страны с этим не согласятся и глубоко признательны тому авторскому коллективу, который с большими усилиями, терпением и волей действительно 15 лет назад нашел компромисс и уголовно-процессуальный закон был принят. Мало того, последующий мониторинг, уникальный мониторинг уголовно-процессуального законодательства – это уже был путь отслеживания как ошибок, так и удач, но уже в правоприменительной практике уголовного судопроизводства.

Сегодня мы обсуждаем, плох или хорош УПК. И буквально 10 дней назад Лидия Алексеевна Воскобитова в университете имени Кутафина собрала порядка 200 процессуалистов страны, которые говорили, что делать с уголовно-процессуальным законом, допускать ревизию или не допускать. Есть различные точки зрения, безусловно, на этот счет. Кто-то говорит, что уголовно-процессуальное законодательство не соответствует тем задачам, которые стоят перед уголовным процессом, необходимо разработать новую концепцию, теоретическую концепцию уголовно-процессуального закона и фактически принять новый УПК. Ну а кто-то предлагает спокойно относиться к тем многочисленным изменениям (а это действительно более 100 федеральных законов, которые внесли порядка (у меня последние данные, правда, по Белкину) 1800 поправок в текст УПК. Говорят, что к этому надо относиться спокойно, поскольку это очередной этап эволюции.

Но тем не менее полагаю, что, наверное, в праве, в юриспруденции нам вообще сложно говорить о совершенстве какого-либо закона, поскольку как только такое заявление будет сделано, закон реально отстанет от жизни. А жизнь требует своего – она требует справедливости, может быть, не социальной, но юридической как минимум. И справедливость, безусловно, повышать авторитет суда, прокурора, дознавателя, следователя. А вот через авторитет правосудия мы как раз увеличиваем градус доверия общества к власти.

"Справедливость" – это то понятие, которое... Как бы мы к нему ни относились, это сложная конструкция, наверное, это нравственная, философская конструкция, но это действительно достижение УПК 2001 года: появилась категория справедливости. И вот не знаю, Елена Борисовна говорилась или нет, но она говорила сегодня не только о справедливых решениях, но и о милосердных решениях.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Я говорила.

Д.В. ЗОТОВ

Значит, это осознанно. Может быть, наше решение должно быть в УПК не только законным, обоснованным и справедливым, но и милосердным в какой-то степени. Вот эта категория нравственности, категория совести должна работать в том числе и в правоприменительной практике.

Но полагаю, что одним из эффективных процессуальных средств обеспечения справедливости как на практике, так и в уголовно-процессуальном законодательстве является стандартизованность уголовного процесса, появление стандартов доказывания.

Именно простые, понятные, прозрачные стандарты доказывания способны сбалансировать уголовно-процессуальное законодательство и привести к относительно общему знаменателю всю практику уголовного судопроизводства. Но когда мы говорим о стандартах доказывания, мы должны понимать, что любые стандарты связаны с определенной формализацией уголовно-процессуальной деятельности и формализацией уголовно-процессуальных отношений. Хотя принципы... Вообще, сегодня о принципах сложная дискуссия, для себя уже думаю, как это в университетской аудитории объяснить – что принципы могли и не появиться в нашем УПК. Но это теоретический вопрос. Хотя принцип процессуального формализма признается далеко не всеми. Действительно, здесь мы идем от Михаила Соломоновича Строговича, который говорил, что формализм – это поверхностное, неглубокое, бездушное отношение к делу, это такой мертвящий формализм.

Однако отечественное доказательственное право, в том числе в УПК, безусловно, строится на двух системах. Это глубокая и четкая формализация процесса доказывания, все, что связано с собиранием и проверкой доказательств. Здесь заформализованный у нас, безусловно, процесс. Но все, что касается оценки доказательств... здесь, безусловно, действует императив свободной оценки доказательств, никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. И в тех случаях, когда законодатель следует этой логике и формализует, стандартизирует процесс собирания доказательств, это можно только приветствовать.

Мне, безусловно, нравятся идеи, связанные со специальными поводами возбуждения уголовного дела. Это понятно. Мне нравится идея, связанная с перечнем случаев назначения, обязательного назначения экспертизы. Все, что касается упрощенных и сокращенных производств, – это, безусловно, формализация доказывания. Но в тех случаях, когда эти стандарты и

формализация переходят на оценку доказательств, возникают проблемы. Это статья 90 нашего УПК "Преюдиция", которая в настоящее время запрещает сомневаться функционерам процесса (субъектам доказывания) в тех решениях, которые были ранее вынесены не только по уголовному делу, но и в рамках гражданского и административного судопроизводства. Вот это как раз те оковы, которые на сегодняшний день законодатель пытается наложить на концепцию свободного убеждения в уголовном судопроизводстве. Спасибо за внимание. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Денис Валентинович.

Слово предоставляется Качаловой Оксане Валентиновне, заведующей отделом проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.

Приготовиться Халиулину Александру Германовичу.

О.В. КАЧАЛОВА

Уважаемая Елена Борисовна, большое спасибо за предоставленное слово. Я хочу, конечно, в первую очередь сказать о том, что мы, безусловно, поддерживаем идею системного подхода к изменению уголовно-процессуального законодательства, потому что все мы сталкиваемся с тем, что непродуманные лоскутные изменения, которые отстаивают какие-то ведомственные, узковедомственные интересы, конечно, на пользу пока не идут. И хочу проиллюстрировать это на примере тех процедур, которые мы традиционно называем особыми порядками. И Алексей Иванович в своем выступлении говорил об ужасающих, на мой взгляд, цифрах, когда до 80 процентов лиц осуждается в особом порядке судебного разбирательства.

Так получилось, что идеи рационализации и оптимизации уголовного судопроизводства были оптимально отражены в первоначальном варианте Уголовно-процессуального кодекса, где особый порядок применялся по делам о преступлениях, максимальное наказание за которые не превышало пяти лет лишения свободы. И это правильно, это избавление от излишнего формализма. Но изменения в УПК, которые были непоследовательны, нелогичны, довели до 10 лет лишения свободы этот особый порядок, затем были распространены на дела о преступлениях любых категорий тяжести. Я имею в виду институт досудебного соглашения о сотрудничестве, который предполагает по общему смыслу рассмотрение уголовного дела в особом порядке. И затем у нас появился еще один особый порядок – это сокращенное дознание. В итоге мы получили три совершенно разных упрощенных института, которые противоречат друг другу, противоречат логике процесса, и сейчас объясню почему.

Судебное доказывание в данном случае фактически не проводится. Этот институт очень удобен для правоприменителей, и фактически мы получили то, что получили, – это штамповку судебных решений, многие из которых не имеют ничего общего с правосудием.

Особую тревогу вызывает институт досудебного соглашения о сотрудничестве, где не только процессуальная логика, но и здравый смысл нарушаются. В 2014 году было порядка 170 случаев, когда досудебные соглашения заключались по делам о неуплате алиментов, по делам о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (статья 264), по делам о побоях, которые не представляют никакой сложности в расследовании. Хотя мы понимаем, для чего изначально предназначался этот институт.

Кроме того, стали нередкими случаи, когда досудебные соглашения о сотрудничестве заключались с главарями организованных преступных группировок, с тем чтобы уйти от более суровой ответственности, от пожизненного заключения, от длительных сроков заключения. Их сотрудничество заключалось в том, что они передавали информацию о тех лицах, которых они сами вовлекли в деятельность преступного сообщества, которое сами же и организовали. Или материалы другого реального уголовного дела – массовые беспорядки в колонии. Досудебное соглашение заключает организатор беспорядков и выдает информацию относительно одного участника из 150, и это досудебное соглашение успешно проходит, он осуждается в особом порядке.

Мы полагаем, что все-таки досудебные соглашения о сотрудничестве должны заключаться тогда, когда общественная опасность лиц, их заключающих, все-таки меньше тех преступлений, в расследовании и раскрытии которых они принимают участие. А с главарями можно заключать только в исключительных случаях: если это преступления экономической, коррупционной направленности, если полностью возмещен ущерб бюджетной системе.

Большие вопросы вызывает отсутствие учета мнения потерпевшего при рассмотрении дела в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Если мы говорим, что публичный интерес превалирует над интересами потерпевшего, значит, все-таки нужно обозначить, что этот публичный интерес действительно значимый. Мы разделяем идею, в соответствии с которой в Уголовном кодексе должны быть выделены конкретные составы преступлений, по которым возможно заключение досудебного соглашения о сотрудничестве.

И еще буквально одна маленькая проблема, которая касается института сокращенного дознания, который фактически провалился с треском, поскольку получился у нас колосс на глиняных ногах. И мы с вами понимаем, что возможность проведения дознания в сокращенной

форме зависит от мнения участников процесса. И если в судебном заседании потерпевший говорит, что он передумал, или подсудимый говорит, что он передумал, – значит, суд не может перейти к рассмотрению дела в общем порядке, он должен вернуть дело прокурору, который возвращает уголовное дело для дознания в общем порядке. И вместо сокращенного времени на дознание мы получаем во много раз усложненный этот процесс.

И в связи с этим, наверное, заслуживают внимания те законопроекты, которые сейчас разрабатываются, в том числе Министерством внутренних дел, – о сокращенном досудебном производстве, которые нам все-таки предложат что-то похожее на протокольную форму досудебной подготовки материалов дела, которая позволит преступления небольшой тяжести, которые совершены в условиях очевидности, расследовать не месяцами, как у нас сейчас это принято, а в достаточно короткие сроки.

И, подводя итоги своего выступления, я хочу сказать, что любые изменения в УПК, в частности, те, о которых я сегодня говорила (об упрощении, сокращении), поскольку это связано и с возможным нарушением прав участников процесса, и с интересами правосудия, должны происходить не хаотично, а на основе серьезного обсуждения и глубоких научных исследований. Благодарю за внимание. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Оксана Валентиновна, спасибо большое, очень интересное выступление. И по дознанию действительно... Кстати, первоначально у нас ведь оно и рассматривалось как сокращенная форма, и там по сроку у нас был 21 день, потом – 30, и нельзя было продлевать этот срок. Но потом уже начали все править, ну а в 2013 году то, что произошло... появилась новая глава...

Слово предоставляется Халиулину Александру Германовичу, заведующему кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Академии Генеральной прокуратуры.

Приготовиться Акимочкину Владимиру Ивановичу.

Только, Александр Германович, у Вас очень мало времени: буквально три – пять минут. Хорошо?

А.Г. ХАЛИУЛИН

Хорошо. Спасибо, Елена Борисовна.

Уважаемые коллеги! Прежде всего, я должен сказать, что те рекомендации, которые предложены, безусловно, заслуживают поддержки. Это первое.

Второе. Концепция УПК, которая была принята в 2001 году (можно говорить как угодно, соглашаться с ее положениями или нет), действительно существовала, и, большое видится на расстоянии, мы говорим о том, что она все-таки была достаточно логичной и выдержанной. В 2007 году эта концепция была разрушена, к великому сожалению.

На мой взгляд, в дополнение ко всему, что было сказано, можно сказать также и о том, что глубокая, просто серьезная системная ошибка, допущенная законодателями, заключается, как уже здесь отмечалось, в том, что прокурор, оставаясь лицом, которое от имени государства осуществляет уголовное преследование, в том числе и перед судом, не имеет возможности влиять на формирование обвинения и собирание доказательств в ходе предварительного следствия. Вот это системная ошибка. И получается, что он вынужден перед судом поддерживать то обвинение, которое следователь сформулировал (вот был наглядный пример про 19 тысяч страниц), и, естественно, обосновывать его теми доказательствами, которыми следователь посчитал нужным это сделать.

Елена Борисовна сегодня упоминала о признании доказательств недопустимыми. Совершенно правильно. Кстати говоря, мы ориентируем прокуроров (а у нас учатся все, вплоть до прокуроров субъектов и работников центрального аппарата Генеральной прокуратуры) на то, что нужно вникать в допустимость доказательств и признавать доказательства недопустимыми. У нас просто забыли это полномочие отобрать в 2007 году.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Оно есть. Оно и у следователя, и у прокурора. *(Оживление в зале.)*

А.Г. ХАЛИУЛИН

Оно есть. К счастью, забыли отобрать.

Так вот, мы ориентируем на то, что это полномочие надо стараться использовать не тогда, когда дело с обвинительным заключением поступит, а в ходе предварительного следствия.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Правильно.

А.Г. ХАЛИУЛИН

Но на что наталкиваемся? А в УПК написано в извинительной форме: по мотивированному письменному запросу прокурору может быть предоставлено для изучения уголовное дело.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Но это сейчас. *(Оживление в зале.)*

А.Г. ХАЛИУЛИН

Да, это сейчас, правильно. Это образец 2007 года и позднее.

Как прокуроры пытаются это устранить? Издают совместные приказы с руководителями следственных органов. Но получается, что все зависит от волевых качеств прокурора и от разумности руководителя следственного органа, не преобладают ли у него амбиции над здравым смыслом.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Это ненадежно.

А.Г. ХАЛИУЛИН

Елена Борисовна, я в 2001 году участвовал во всех четырех парламентских слушаниях по УПК и помню, как Вы говорили, что закон должен быть написан так, чтобы этот личностный фактор включался по минимуму, потому что хочет он или не хочет, а он вынужден, выполнять вот это требование закона. В этой части, безусловно, без законодательного регулирования не обойтись.

И последнее. Здесь уже звучало предложение по поводу права прокуроров прекращать уголовные дела, причем не только по реабилитирующим, но и по нереабилитирующим основаниям. Вот сейчас в Госдуме – законопроект насчет иных мер уголовно-правового воздействия вместо уголовного наказания. Ну, почему опять все предлагается передавать в суд? Пусть прокурор принимает решение. В УПК Швейцарии с 2007 года есть такое правило, что прокурор, не передавая дело в суд, может прекратить уголовное преследование, издав приказ о наказании до шести месяцев лишения свободы даже. Это с согласия обвиняемого. Это не влечет судимости. Пожалуйста, даже прокурору такое право предоставлено.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Это разумно.

А.Г. ХАЛИУЛИН

Это вполне разумно. Поэтому совершенно правильно, исходя из логики закона, из той концепции, которая была выстроена, таким образом и подходить не только к возвращению полномочий прокурора, но и, в общем-то, к восстановлению уголовно-процессуального закона в его логичном смысле и содержании. Благодарю вас за внимание. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Александр Германович.

Слово предоставляется Акимочкину Владимиру Ивановичу. Он здесь? Нет.

Коллеги, нам надо завершать. На данный момент выступили 14 человек. Остались еще выступающие. Я назову фамилии тех, кто записывался. Кто настаивает, буквально по одной минуте можем вам дать. Если есть тексты, то...

Ефанова Валентина Алексеевна (Воронежский государственный университет), Володина Людмила Мильтоновна...

Пожалуйста, буквально одна минута. Вы озвучьте то, что в рекомендации, самое главное.

В.А. ЕФАНОВА

Спасибо большое за предоставленную возможность выступить. Полностью согласна с восстановлением полномочий прокуроров на досудебных стадиях. И хочу высказать предложение (поскольку этому было уделено мало внимания) относительно полномочий прокуроров на судебных стадиях.

В настоящее время статья 246 предоставляет полномочие отказа от обвинения только государственному обвинителю. У меня всегда возникал вопрос: почему тому человеку, которому прокурор поручил поддерживать обвинение, законодатель предоставил право отказываться от обвинения вообще? В моем представлении, государственный обвинитель может отказаться от того, что ему предложили. Ему предложили поддерживать – он должен отказаться от поддержания обвинения, если считает, что доказательств недостаточно. Отказываться от обвинения вообще должен, конечно, прокурор, поскольку только он знает истинную картину и следствия, и решения всех вопросов. Это первое.

Второе. Конечно, мы понимаем, что, когда принимался Уголовно-процессуальный кодекс 2001 года, очень много внимания и средств было уделено тому, чтобы действительно судебную власть сделать той властью, которая должна быть. Но, с моей точки зрения, сделано даже больше, может быть, чем нужно было, поскольку сейчас суд у нас превратился в такую структуру, которая никого и ничего не боится: принимает решения, как хочет, назначает практически почти самих себя и так далее.

Поэтому я предлагаю все-таки вернуться к полномочиям прокурора по внесению представлений (назовем их протестами), которые влекли бы обязательный пересмотр дел, как это было в советское время. Может быть, это не совсем, так скажем, современно, но, с моей точки зрения, это будет одной из гарантий того, что не только суд в рамках своей системы будет действовать и принимать какие-то решения, но и на эти решения будет влиять все-таки и иной орган в лице прокурора. Вот и все.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Тогда такое же право надо предоставлять стороне защиты, потому что у нас по Конституции-то в принципе равенство. Вот в чем проблема и состязательность.

В.А. ЕФАНОВА

Дело в том, что мы, к сожалению, состязательность возвели в ранг очень большого монстра, я бы так сказала. Состязательность – это способ, с моей точки зрения...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да нет, вы знаете, это очень хороший принцип.

В.А. ЕФАНОВА

Хороший, но это способ исследования доказательств. А когда предоставляется такое право прокурору – инициировать, здесь все-таки мы говорим об отстаивании публичных интересов, чтобы не только сама судебная система могла влиять на то, что нужно пересмотреть, нужно рассмотреть, но чтобы кто-то со стороны говорил: надо рассмотреть, и это влекло бы к пересмотру.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Ну, не может государственный обвинитель быть со стороны. Он – сторона, Валентина Алексеевна. А потом, никакого у нас преувеличения состязательности нет. В споре рождается истина, уж если кто-то там чего... Это самый лучший способ, это действительно так, когда и одни честно работают, и другие честно работают, и одна сторона, и другая.

И, обратите внимание, не случайно сегодня звучала обеспокоенность, что у нас состязательной формы практически нет. У нас обвиняемый даже в ходе досудебного производства отказывается от полноценного судебного разбирательства, соглашаясь с обвинением. И когда мы вводили такого рода форму, у нас было согласие обвиняемого с предъявленным обвинением без судебного следствия, то ведь мы как раз исходили из того, что если есть спор, если человек упорно не согласен, то пусть будет потом полноценный состязательный процесс. А если он согласен частично или полностью, зачем эта громоздкая машина?

Поэтому состязательность (принцип состязательности) должна присутствовать как гарантия, как некоторая профилактика от возможных злоупотреблений. Этого принципа не было в советском уголовном процессе. Может быть, с этим и связаны гигантские репрессии, под которые подпали миллионы людей. И это факт, как бы мы ни прикрывали эту ситуацию. Нам не нужно повторять тот процесс в репрессивной части.

Поэтому здесь, я думаю... Просто я не знаю, как можно было бы реализовать то, что Вы сейчас предлагаете. Я не вижу правовой формы. Ну, давайте посмотрим. Но, я думаю, не найти.
(Оживление в зале.)

Е.П. КУДРЯВЦЕВА

Суду дайте слово, пожалуйста.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Пожалуйста. Представьтесь.

Е.П. КУДРЯВЦЕВА

Кудрявцева Екатерина Петровна.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Кудрявцева Екатерина Петровна. Не только знаю... А Вы теперь в академии правосудия, да?

Е.П. КУДРЯВЦЕВА

Да.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Очень приятно. Сотрудничали и работали вместе с Вами много.

Е.П. КУДРЯВЦЕВА

Совершенно верно.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Пожалуйста, Екатерина Петровна.

Е.П. КУДРЯВЦЕВА

Я, вообще-то, подумала, что не буду время отнимать, раз уж так сложно.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Только достаточно быстро, потому что, видите, нас уже поджимают.

Е.П. КУДРЯВЦЕВА

Но поскольку активизировался этот напор против суда, судебной системы, я вам что хочу сказать? Сколько я ни ходила на заседания "круглых столов", научные конференции, везде... Вот была предпоследняя научно-практическая конференция по суду присяжных, выходили все выступающие, начиная от очень высокопоставленного товарища, и начинали свое выступление так: "Наконец-то у нас есть надежда на справедливость".

Сидит заместитель Председателя Верховного Суда, приглашены судьи, которые выступать должны. Я отказалась в такой ситуации вообще выступать.

Я понимаю: надо реформировать право, и не только законодательство, безусловно. У меня вот это все – это обзор как раз норм УПК, которые противоречат Конституции, содержат внутриотраслевые и межотраслевые противоречия...

Е.Б. МИЗУЛИНА

На основании решений Конституционного Суда очень противоречит статья 413, могу сказать. Очень серьезно.

Е.П. КУДРЯВЦЕВА

...неясность формулировок, пробелы правового регламентирования. То есть все эти вопросы мы решаем.

Но говорить о том, что только суды виноваты во всем... Я слышала еще одно высказывание, тоже высокопоставленного товарища, в печати: "Вот ведь суды до какой степени доработались-то – устроили себе вертикаль власти!". Простите, ну а Конституция-то существует. В Конституции начиная со статьи 125, наверное, говорится, кто, что, как рассматривает уголовные дела – путем конституционного, уголовного и так далее судопроизводства. Почему говорить надо о вертикали какой-то?

А потом мы говорим: вот у нас наше население, простите, не уважает судебные органы. Есть, конечно, объективные причины для этого. Но если с самого верха... А сегодня вы говорите: в Интернете всё слушали, всё посмотрели. Опять мнение: "Вот ведь какие суды! Нельзя им доверять. Надо реформировать как раз с той точки зрения, чтобы суду вообще никаких прав не давать".

Есть конституционное положение о рассмотрении уголовных дел только судом, да и не только уголовных. Судопроизводство (в Конституции написано) осуществляется только судом. А дальше – форма этого судопроизводства. Только судом. А что имеем на самом деле?

Есть еще одна минутка?

Е.Б. МИЗУЛИНА

Нет, Екатерина Петровна, потому что мне еще надо по заключению... И все, надо уходить, к сожалению.

Е.П. КУДРЯВЦЕВА

А имеем на самом деле то, что как раз вот эта инициатива суда исключается нормами УПК. Если вам интересно, я пришлю вам это исследование.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Конечно, конечно, нам все это интересно. Екатерина Петровна, спасибо Вам большое.
(Аплодисменты.)

Но, вообще-то, я не слышала сегодня, чтобы в рамках наших парламентских слушаний было какое-то неуважение к суду. Наоборот, мы говорили о верховенстве как принципе вообще всей процессуальной реформы.

Но вот какие пожелания было бы очень хорошо адресовать к суду – быть более жестким, быть более принципиальным, потому что именно суды (не Верховный Суд, а прежде всего суды) своей принципиальностью, беспристрастностью и критичностью, когда принимают процессуальные решения (критичностью по отношению к предыдущим процессуальным решениям, которые приходят в том числе со стороны следствия и прокуратуры), задают необходимые требования. Вы будете задавать высокие требования, и следователь, и прокурор вынуждены будут с ними считаться. Если же расчет на то, что суд окажется лоялен, с ним можно договориться, он может пропустить, тогда, соответственно, и следствие, и прокуратура тоже будут менее требовательны.

В современных условиях суды должны быть требовательными. Вы завершаете. От судей, от судебных решений сегодня зависит... Мы сделали все, чтобы действительно были верховенство суда, независимость от сторон. Но это не означает: что хочу, то и принимаю. Это означает, что вы должны задавать эту высокую планку требований, чтобы люди верили и в следствие, и в прокуратуру. Потому что, конечно, вы конечные. А как? Конечное-то решение принимает суд. Вы связаны рамками уголовного дела, которое до вас расследовали, и, конечно, получается, что все шишки – на судью, хотя на самом деле вы лишь подводите итог всей уголовно-процессуальной деятельности. Будьте требовательнее. У вас сегодня очень много полномочий, даже в части возвращения дела прокурору, хотя мы здесь как раз были сторонниками того, чтобы суд...

Но мы считали и считаем, что уважение к суду будет и со стороны ваших партнеров по уголовному правосудию, по этому уголовно-процессуальному цеху (и следствия, и прокуратуры), тогда, когда вы не будете возвращать дело прокурору, а будете выносить оправдательный приговор, прекращать дело по реабилитирующим или нереабилитирующим основаниям (лучше по реабилитирующим, по нереабилитирующим – извините, это уже не то) или выносить обвинительный приговор, но выносить его в ходе судебного заседания, не отправляя в этот штрафной круг уголовное дело в очередной раз, что, к сожалению, происходит в рамках возвращения уголовного дела прокурору.

Уважаемые участники, я благодарю всех за участие. У нас выступили сейчас 16 человек. Я надеюсь, такие парламентские слушания не последние, а первые в рамках Совета Федерации применительно к уголовно-процессуальному законодательству, потому что тема уголовной политики очень широкая: там и шкала уголовных наказаний, и доктрина уголовного права, которой у нас нет, но она должна бы быть... Но здесь много от каких институтов зависит. Можно все сделать. Мы бы и шкалу уголовных наказаний написали и сделали, занимались этой темой. Но не объять необъятное.

По поводу рекомендаций. Прежде всего, я обращаюсь к тем, кто не выступил. Пожалуйста, простите, что мы не дали вам такой возможности. Пришлите ваши тексты. До конца следующей недели у всех есть возможность прислать свои выступления и предложения к рекомендациям. Потому что мы сегодня предлагаем их принять с учетом того, что здесь прозвучало. Здесь прозвучало: пункт 7 убрать. Добавить я предлагаю в резолютивной части... потому что много выступающих обратили внимание именно на то, что нужно восстанавливать полномочия прокурора по надзору за следствием. Это проблема, которую серьезно надо обсуждать.

В проекте рекомендаций заложено провести в декабре 2016 года (адресовано нашему комитету) парламентские слушания по подведению итогов 15-летия процессуальной реформы уголовного правосудия, включить туда пункт, чтобы специально обсудить вопрос относительно совершенствования уголовно-процессуального законодательства в части, касающейся восстановления полномочий прокурора по надзору за следствием. Поэтому мы сюда это впишем.

Какая просьба? Мы еще обращали внимание, что по отдельным законопроектам... но никто не выступал... Я просто хочу обратить ваше внимание, что сейчас президентские законы идут по суду присяжных. Это все в развитие той процессуальной реформы. Но на уровне областных судов сокращение присяжных заседателей до восьми... Не знаю, насколько нужно ломать то, что есть. Хотя бы даже до восьми, но после того, как будут введены суды присяжных на уровне районов, тогда, может быть, имеет смысл менять на уровне областных судов. А так мы одно не создали, а уже сразу до восьми меняем. Ведь это же изменение. Любой, кто занимается организацией этой системы, формированием конкретных судебных заседаний, скамьи присяжных заседателей, скажет, что это уже требует определенной перестройки.

И плюс по соединению уголовных дел... В Совет Федерации уже пришел закон, чтобы все-таки нельзя было соединять уголовные дела по инициативе суда. Это небольшие поправки. Но я лично и сама буду готовить применительно к УПК везде, где не обоснована инициатива суда. Не надо на суд перекладывать с прокурора, с обвинителя полномочия, которые явно носят

обвинительный характер. Не надо этого делать. Пусть работают прокуроры. Они профессиональны, они способны это делать, их сейчас достаточное количество. Им надо вернуть статус первого лица, отвечающего на стороне обвинения за качество обвинения, за качество уголовного преследования. Когда мы закладывали эти моменты, имели в виду тех обвинителей, которые по ораторству, по силе авторитета, доверия в обществе были равны адвокатам (защитникам). Поэтому такую прокуратуру мы хотим видеть в том числе в судебных заседаниях.

И ваши письменные замечания... После майских праздников мы всё обобщим, сделаем окончательный текст. Присылайте, увидите свои... Постараемся максимально инкорпорировать. И разместим на сайте комитета текст рекомендаций, которые мы сегодня приняли. Те, кто со мной работает, знают, что мы будем работать по этим рекомендациям. Надеюсь, с тем, что мы будем утверждать на заседании комитета, с тем, что мы с Алексеем Ивановичем предложим, согласятся и поддержат это. Нам же доверили... Никаких специальных указаний, кроме проекта рекомендаций, который мы здесь предложили, нам не давали.

Судьям могу сказать: пункт 7, о котором здесь просили, мы уберем из мотивировочной части. Хотя могу обратить внимание, что он появился не случайно. На самом деле фактов такого рода очень много, но не будем выпячивать этот момент специально в окончательном тексте. Действительно, сегодня работа с судейскими кадрами на очень высоком уровне. Это правда. Убеждаюсь в этом, работая в нашем комитете.

Поэтому призываю к совместной работе независимо от того, в каких ведомствах вы работаете и каких научных взглядов вы придерживаетесь, потому что любой закон самый хороший тогда, когда он – результат достижения согласия в совместной работе.

Ну и хочу всем пожелать успехов и семейного благополучия обязательно, потому что когда в семье все хорошо – и на работе хорошо. Спасибо. *(Аплодисменты.)*
